

НА СУШЕ НА МОРЬ

exje

Союзный государственный
издательский

издатель

ОГИЗ

ФИЗКУЛЬТУРА И ТУРИЗМ

4

1937

Анна консультация

Орловой А. А., ст. Имандра
(Мурманский окр.)

Длительный отпуск лучше всего использовать для посещения далеких от вас районов, контрастирующих с окружающей вас обстановкой. Такие путешествия дают максимум ярких впечатлений. Однако, оно требует значительных материальных средств и обойдется при скромных запросах не менее 2000 руб. (на два месяца, включая транспортные расходы). Необходимые суммы туристы накапливают путем сбережений из заработка. Кроме того туризм широко вошел сейчас в систему работы профсоюзных организаций — и премирование путешествием лучших ударников и стахановцев стало обычным явлением на наших предприятиях, в учебных заведениях, учреждениях.

Так как вы не имеете никакого туристского опыта, то лучше всего поехать по путевке на один из маршрутов, организованных Туристско-экскурсионным управлением ВЦСПС. В этом случае вы получите все необходимое обслуживание в пути: ночлеги, питание, средства передвижения, экскурсии в местах остановок, лекции о посещаемом крае и пр. Все подробные справки об этих маршрутах, их стоимости и условиях записи можете получить в Ленинграде, по адресу: Дворец Труда, комн. 69, Бюро путешествий ВЦСПС, или в Москве: Столешников пер., 16, Бюро путешествий ВЦСПС.

Для вас было бы целесообразно провести два маршрута, а именно: «46-й — сквозной ленинградский» и «12-й — Военно-осетинская дорога». Первый продолжается 10 дней, проходит по Беломорско-Балтийскому водному пути — от Сороки до Ленинграда на пароходе —

Толстикову В. Н. (Казань)

Среди всех возможных маршрутов по Северной области маршрут по р. Ылыш является одним из наиболее трудных, но далеко не самым интересным.

Река Ылыш (как, впрочем, и М. Печора на избранном вами участке от Якши до Усть-Ильчи) представляет собой быструю горную реку, изобилующую перекатами и круп-

и заканчивается пятидневным пребыванием в Ленинграде. Таким образом вместо того, чтобы ехать с Кольского полуострова только по железной дороге, вы совершите интереснейший водный рейс и по-новому увидите места, мимо которых, быть может, уже проезжали, ничего не зная о них.

С севера двигайтесь к югу до ст. Алагир Сев.-кавказской ж. д. Оттуда начинается второй маршрут — Военно-осетинская дорога через Главный Кавказский хребет (23 дня). Это путешествие не представляет никаких трудностей, а в то же время дает возможность увидеть Кавказ во всем его разнообразии. Вы посетите и высокогорье с его ледниками, и пышные субтропики Черноморского побережья.

Из Батуми, где заканчивается военно-осетинский маршрут, очень интересно проехать в Гагры, а оттуда, подобрав себе двух-трех товарищей, отправиться самостоятельно к горному озеру Рица. Это предприятие несколько сложней, чем первые два, но вполне осуществимо. Материал о маршруте на Рицу будет напечатан в ближайшем номере нашего журнала. Если вам захочется получить сведения о Рице сейчас же, то обратитесь в библиотеку ТЭУ ВЦСПС (Москва, Ветошный пер., 9). Оплатив стоимость перепечатки на машинке, вы сможете получить исчерпывающее описание этого маршрута.

Рекомендованные нами маршруты по путевкам ТЭУ стоят 993 руб. оба (367 руб. — северный и 626 руб. — южный). В эту сумму не входит проезд от Имандры до Сороки, от Ленинграда до Алагира (начало Военно-осетинской дороги) и возвращение из Батуми.

ными подводными валунами. Проходить по ней может лишь вполне опытный водник. Дно ее сложено из бульяжника, местами из крупной гальки, опасной для лодок. Берега в основном топкие, болотистые, почти повсюду глинистые. Густой прибрежный лес завален буреломом и почти непроходим. Наиболее интересно среднее течение, где долина реки суживается, бе-

рега становятся высокими, порою отвесными. Живописны вырисовывающиеся на горизонте горы, в частности гора Сабля. Однако и этот участок труден для туриста. Так, на расстоянии 10 км (от д. Норис-Луг до притока Кожим-Ю) сосредоточено 25 больших перекатов.

Верхнее течение проходит среди торфяных болот и недоступно даже для небольших лодок. Нижнее, наоборот, частично судоходно (на 50 км от устья) и наиболее доступно для плавания, но не отличается живописностью, так как проходит по низменной Печорской равнине.

Левый берег реки является границей Печорско-Ылышского заповедника; по правому — разрешена охота, богатая в этих краях.

Намеченный вами путь по реке от с. Усть-Ылыша является, пожалуй, единственным рациональным, но он связан с прохождением реки вверх по течению и с возвращением обратно по тому же маршруту.

В 1935 г. Ылыш был пройден туристской группой т. Защук.

Годунову Б. Н. (Ульяновск).

Нет такой профессии или специальности, которая называется «туризм». Туризм — это путешествия в свободное время, совершаемые с целью познания нашей великой родины. «Стать туристом» может всякий, кто предпочитает активный отдых — пассивному отдохну, сидению на одном месте. Короткая «вылазка» за город в выходной день по заранее обдуманному плану — первый шаг по пути туризма.

Длинное отпускное путешествие требует уже значительных денежных сумм. Их приходится накапливать в продолжение все-

го трудового года. Кроме того, многие предприятия премируют своих стахановцев, обеспечивая им материальную возможность совершить путешествия (выдают для этого деньги или покупают путевки, на маршруты, организуемые туристско-экскурсионным управлением ВЦСПС).

Туристское путешествие требует предварительной работы по изучению маршрута и некоторых специальных навыков. Об этом подробно рассказано в книге Погребецкого «В помощь туристу» изд. «Укр. Работник» 1935 г. и в статьях «Туристский минимум», см. наш журнал за 1935 г.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Наша консультация	2
А. ДЖАПАРИДЗЕ — Путь к книге Корженевской найден!	4
М. ЗИНГЕР — Шлюпку унесло в море	7
Скоро лето!	12
К. ЖОЛКОВСКИЙ — На лодке по Байкалу (продолжение)	13
Э. ЕВЗЕРИХИН — На Шпицбергене	16
Ф. ОПАРИН — По белому пятну (продолжение)	19
Фото: Буйнова А., Гущина Д., Еремина Ю., Еркова М., Михалева В. и Жолковского К., Соловьёва Ф., Сухова Л. и др.	

Рисунки художника П. Васильева.

Оформление и заголовки художника В. Филиппова.

На обложке: Привал туристов на берегу р. Чусовой

Фото М. Еркова.

На последней обложке: Вид с горы Сугунды на р. Катунь (Алтай). Фото Ю. Еремина.

Журнал туристов СССР

НА СУШЕ, НА МОРЕ^и

Орган Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта при Совнаркоме СССР

Познание родины, туризм, экскурсии, экспедиции, техника путешествий, туризм за рубежом

№ 4

апрель 1937 г.
год издания 9-й

Бойцы РККА, готовясь к обороне великой социалистической родины, с каждым годом все глубже изучают и осваивают горные границы нашего Союза.

В прошлом году 153 бойца САВО, вооруженные винтовками и пулеметами, под руководством опытных альпинистов совершили очень трудный поход на пик Ленина (Памир — 7100 м, см. в № 2 нашего журнала за текущий год очерк «На высоте 6500 метров»). Прекрасно технически оснащенный отряд поднялся на высоту 6500 м.

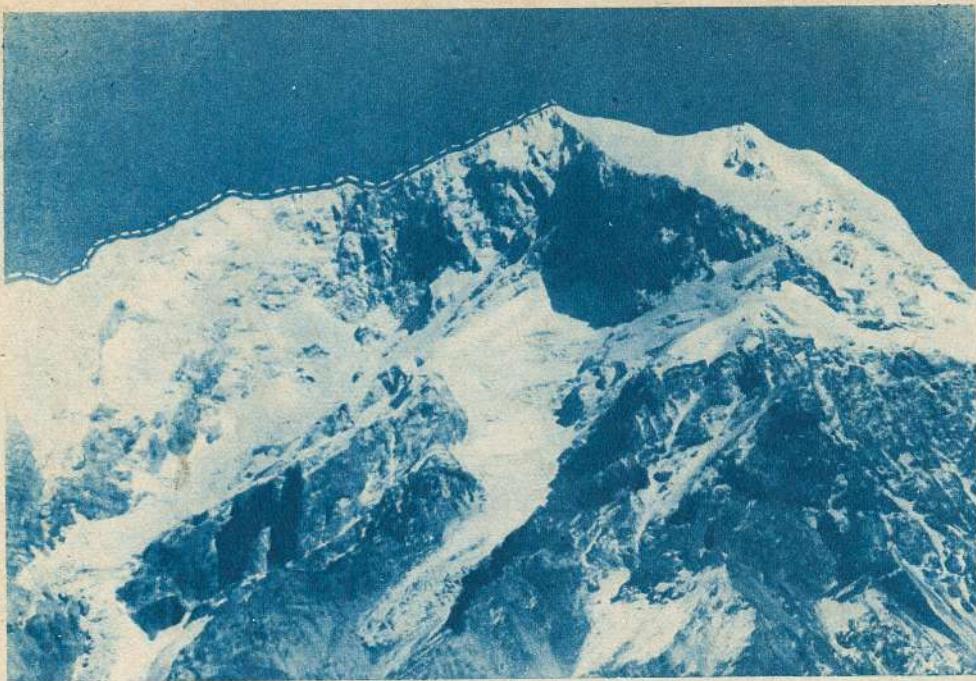
Полутно с акклиматизацией бойцы практически и теоретически изучали технику альпинизма.

На фото: мастер альпинизма тов. Белецкий на склонах пика Ленина рассказывает участникам похода об опасностях в горах. Фото Д. Гущина.

exje ОТКРЫТАЯ БИБЛИОТЕКА

ПУТЬ К ПИКУ КОРЖЕНЕВСКОЙ

Очерк А. Джапаридзе

Вид на безымянный пик (6 570 м), пунктиром показан путь тт. Джапаридзе и Гусака

Из лагеря «Теннисная площадка» мы вышли 27 сентября в 12 часов дня и двинулись вниз по направлению к леднику Фортамбек.

Задача наша была довольно серьезной. Во-первых, само восхождение на высоту 6 570 м являлось очень серьезным и интересным; во-вторых, в высшей степени интересно было определить возможность восхождения на пик Корженевской с западной или с юго-западной стороны; в-третьих, крайне интересно было вообще побывать в выбранном нашей группой районе, поскольку до нас там никто еще не бывал. Но это последнее обстоятельство вместе с тем делало наше предприятие несколько проблематичным, ибо не только нельзя было заранее знать точного направления нашего пути, но вообще нельзя было заранее сказать, можно ли было подойти к этой вершине с той стороны, откуда мышли.

Приблизительно после 4 часов ходьбы на середине ледника Фортамбек мы отдохнули и через час, не дойдя до слияния ледника Курай-Шопак с ледником Фортамбек километра два или три, свернули направо к глубокому и узкому ущелью, спускающемуся к Фортамбеку с правой стороны. Сложив лишние вещи под большим камнем на Фортамбеке, мы быстро спустились в ущелье.

Ширина ущелья 20-30 м. По крутым руслу стремительно течет вспенившаяся речка, подойдя к обнаженному боковому обрыву ледника Фортамбек, стремглав проявляется в огромную подледниковую пещеру. По бокам ущелья поднимаются совершенно отвесные стены высотой 200-250 м. Они производят жуткое впечатление: огромные глыбы, весом в несколько тонн, висят в воздухе, каждую секунду готовые полететь вниз.

Стены наверху оканчиваются узкой террасой, от которой поднимаются крутые склоны, достигающие почти 5 000 м.

Когда мы вошли в ущелье, до ночи оставалось полтора часа. Идти вперед было рискованно, так как в тесинах ущелья могли не найти подходящего места для бивуака, а остаться под грозно нависающими над нами камнями было нецелесообразно. Поэтому решили остановиться на ночлег в начале ущелья. Осмотрев все кругом, мы обнаружили поблизости огромный камень, который одной стороной, обращенной к речке, образовывал довольно большой навес, гарантирующий полную безопасность от камнепада. Мы быстро поставили палатку под навесом, покинули ее и легли спать. На другой день выступили в 9 час. утра. Скорее мы миновали опасный участок

ущелья. Дальше оно не имело уже такого угрожающего вида.

На высоте приблизительно 4 000 м, куда мы поднялись к 2 часам дня, поперек ущелья стояла высокая стена, левая половина которой представляла из себя ледяной обрыв высотой 60-70 м, а правая — гладкую скалу такой же высоты, по которой постоянно сыпались камни.

Так как подняться по ледяной стене было невозможно, а подняться по гладкой скале, подверженной камнепаду, было опасно, мы решили пройти по правобережному склону. Но он оказался осыпающимся и угрожал камнепадом. Вдобавок к этому почти нельзя было организовать взаимного охранения, и поэтому, как ни труден был подъем по скале, мы спустились на нее и через час были уже над скалой.

Отдохнув немного, пошли сперва вдоль края ледника, а потом по самому леднику. Преодолев трещины и пройдя по нему приблизительно полтора километра, мы вышли на высокую и сравнительно пологую часть его, откуда открывался вид на находящуюся впереди нас часть ледника. Он оказался типичным альпийским ледником, длиною 5-6 км и шириной 200-500 м. Ледник этот на карте не был нанесен.

Приблизительно в 2 км впереди нас поперек всего ледника поднимался высокий ледопад. Ледник над ним незначительно изгибался, расширялся и наверху оканчивался фирновым полем, с востока и с юга ограниченным хребтами, спускающимися с нашей безымянной вершиной.

К 5 часам мы были в полкилометре ниже ледопада. Высота ледопада была самое меньшее 100 м, причем он состоял из хаотически нагроможденных друг на друга глыб льда. Так что пройти ледопад было почти невозможно. В общем впереди лежащий участок нашего пути оказался очень сложным, требующим много энергии и времени. Поэтому решили остановиться на ночлег, разбив палатку прямо на леднике на высоте около 4 500 м.

* * *

Утром мы выступили в 10 часов. Наиболее приемлемым и почти единственным возможным путем оказался путь по скалистому кулуару в правобережном склоне ледника, немного ниже ледопада. Уклон кулуара около 50°, высота 200-250 м. Бока кулуара представляют почти совершенно отвесные, сильно выветрившиеся скалы. Опасность от камнепада в кулуаре была огромная, о чем часто напоминал свист падающих камней. Но другого пути не было. Весь ледник с начала до конца с обеих

сторон окружен тысячметровыми скалами, не дающими нигде выхода. Поэтому мы направились по кулуару и, несмотря на упомянутую опасность, благополучно прошли его. Кулар вывел нас выше ледопада, откуда открывался вид на фирновое поле нашего ледника. Дальше путь наш шел по сравнительно легкому и почти безопасному склону, покрытому осыпями. Снега на склоне было мало, так как склон этот обращен к солнечному югу.

В 5 часов вечера мы вышли на хребет, являющийся водоразделом между бассейнами ледников Фортамбек, с одной стороны, и Мушкетова — с другой. Северо-западный склон этого хребта достаточно круто, но равномерно спускается к фирновому полю обнаруженного нами ледника; зато юго-восточный склон почти тысячетметровой вертикальной стеной обрывается в сторону ледника Мушкетова. Палатку пришлось поставить над самым обрывом у основания конуса безымянной вершины на высоте 5 200 м.

30 сентября. Наш путь все время лежал по самому хребту по направлению с запада на восток. На этом участке пути встречаются скалистые жандармы, которые приходилось обходить преимущественно с правой стороны. Большую опасность этого участка пути представляют расщепленные трещинами огромные карнизы, нависающие в сторону ледника Мушкетова. Нужна чрезвычайная осторожность, чтобы не попасть на карниз или на скрытую под снегом трещину.

Для устройства бивуака остановились у основания конуса нашей вершины на высоте около 5 900 м. Это был наш последний бивуак. Впереди оставалось взять высоту 650-700 м, что при сильной разреженности воздуха, а в особенности из-за большой технической трудности пути, представляло сложную задачу. Однако самочувствие как у меня, так и у тов. Гусака было прекрасное, и мы с полной уверенностью рассчитывали пройти оставшуюся часть пути к вершине и спуститься обратно в один день.

* * *

На следующее утро выступили в 10 часов, подождав, пока солнечные лучи согрели воздух.

С первого же шага начались трудности. Надо было пересечь сильно оледенелый склон, видимо, часто подвергавшийся лавинам и камнепаду. Пришлось надеть кошки и развернуть веревку, но через полчаса вышли на скалистый участок, и кошки надо было снять. Вскоре снова вышли на оледенелый путь и снова пришлось надевать кошки. Весь путь по круто поднимающемуся вверх хребту представлял собой перемежающиеся между собой обледенелые снежные склоны и скалистые жандармы, что создавало неприятную необходимость постоянно то снимать, то снова надевать кошки.

Найден!

Фото Д. Гущина

Одна из этих групп в составе А. Джапаридзе и К. Гусака решила взойти на безымянную вершину, высотой 6 570 м, расположенную северо-западнее пика Корженевской, на расстоянии 3 км от него.

Ниже мы помещаем описание этого восхождения, совершенного тт. Джапаридзе и Гусак, которые, взяв безымянную вершину, открыли путь на пик Корженевской — третий семитысячник Памира, до сих пор не взятый альпинистами.

Наибольшую трудность и опасность на этом участке пути представляли все же скалистые жандармы, где приходилось преодолевать очень крутые, а в нескольких местах почти отвесные стены, требующие очень тщательного и вполне надежного охранения.

Благополучно преодолев все трудности, к 4 часам дня мы вышли к той части хребта, где с ним смыкается другой хребет, ограничивающий с юга бассейн обнаруженного нами ледника. Высота этого места приблизительно 6 400 м.

Наиболее трудная и опасная часть пути была уже позади. Дальше путь шел по тому же хребту, сравнительно полого поднимающемуся к вершине. Приблизительно через час мы уже были там — высота 6 570 м.

Было 5 часов. Быстро надвигался вечер, и холод давал себя чувствовать. Но нельзя было хотя бы на 15 минут не задержаться на вершине, так как красочно красиво было все кругом.

На востоке перед нами поднимался ввысь конус пика Корженевской. По обеим сторонам от нашего хребта зияли глубокие провалы ледников Мушкетова и Фортамбек и огромного количества других — менее значительных ледников. На севере видна была часть ущелья р. Мук-су и вдоль ее длинная цепь красивых вершин Заалайского хребта. На северо-востоке открывался вид на бесконечный океан гигантских вершин, среди которых величаво высилась громада пика Ленина, а на фоне ее склонов вырисовывался конус пика Дзержинского. На западе от нас красавая вершина — пик Крупской, а вокруг нее и за ней — такой же океан вершин, многие из которых поднимаются выше 6 000 м. К югу — прямо против нее вдоль ледника Вальтера величественно подымается двухтысячметровая обледенелая стена пика Сталина, а над ней просторное, сравнительно ровное снежное плато. К юго-западу — такая же стена вдоль ледника Турамыс. Над обеими стенами, как вдоль ледника Турамыс, так и вдоль ледника Вальтера, громоздятся пики-великаны, составляющие цепь вершин, наиболее грандиозную на всем Памире. Хребты Академии и Петра Первого смыкаются прямо на юге от нашей вершины, и в стыке этих двух гигантских хребтов возвышается грандиозная вершина, далеко внизу оставляющая 6 500-метровые вершины и упирающаяся своей верхушкой в высокий голубой небосвод. Это она — высочайшая вершина Советского Союза, носящая имя великого строителя гигантского здания социализма, любимого вождя народов тов. Сталина.

Нужно было стоять несколько часов, чтобы хоть в десятой доли насмотреться на все то, что открылось перед нашими глазами. Однако приближающаяся ночь заставила нас спешить. Мы торопливо сложили маленький тур на выступающей в алане вершине скале, вложили туда занавеску и быстро спустились до 6 400 м. Дальше темп спуска пришелся сильно

Лагерь у ледника Фортамбек

замедлить из-за сложности пути, потребовавшей при спуске более тщательного взаимного охранения, чем при подъеме.

* * *

Была уже ночь, когда пришли к нашей палатке. Мы были беспредельно рады нашему достижению. За 4 дня мы совершили первохождение на вершину высотой в 6 570 м, а это — пятая по высоте вершина, взятая до сих пор советскими альпинистами. Причем взяли ее почти в середине осени, по совершенно необследованному пути. Кроме того мы обнаружили никому неизвестный и ненанесенный на карту довольно большой ледник, что представляет некоторый вклад в дело изучения Памира. И главное — детально обследовали подступы к пику Корженевской, к третьей по высоте вершине Советского Союза, к единственному до сих пор никем не взятому семитысячнику. Было чему радоваться!

Но, увы... радость скоро сменилась тяжелое огорчение.

Собираясь залезть в спальный мешок, абсолютно ничего не подозревая, я, сняв ботинки, обнаружил, что ступни обеих моих ног обморожены. Продолжительное отирание не возвратило чувствительности пальцам ног.

Я задумался над тем, как это могло случиться, какая мною была допущена ошибка. И понял, что, надев при штурме вершины 4 пары шерстяных носков и, кроме того, обмотав еще ноги бумагой, я следил за тем, чтобы ботинки были достаточно свободны, но совершенно упустил из виду то, что носки скжимали ноги.

Мне стало ясно, что 4 пары носков стесняли ноги, уменьшали чувствительность и подвижность пальцев и затрудняли кровообращение, что и привело к обморожению.

В этом заключалось первое упущение. Урок мой, конечно, не должен пройти даром для товарищей.

Второе упущение заключается в том, что я был уверен, что если ноги начнут забывать, я своевременно замечу опасность и приму соответствующие меры предосторожности. На этот случай я даже взял с собой два куска толстого войлока, которые при обмотке сверху ботинок могли служить надежной защитой от обморожения. Но я дотащил их до вершины и обратно снес в бивуак, абсолютно не почувствовав не только признаков обморожения, но даже просто неприятного холода.

Увлеченный техническими вопросами, связанными с трудностью подъема и спуска на опасном пути, я не заметил тех признаков обморожения, которые я должен был

заметить при большей наблюдательности. Меня подвела моя самонадеянность.

Вот эти два упущения и явились причиной обморожения, на много обесценивающими наше достижение, которым я с тов. Гусаком гордились несколько минут назад.

На следующее утро к 9 часам, собрав вещи и вззвалив на себя рюкзаки, начали спускаться. Мы предполагали встретиться в основном лагере с двумя остальными группами отряда к вечеру, что было заранее намечено общим планом. Действительно, первые несколько часов мы шли быстро — ноги все еще слушались меня. Но чем дальше, тем все сильнее и сильнее давала себя чувствовать боль, и когда, минув скалистый кулуар, мы спустились ниже ледопада на наш ледник, я принужден был значительно замедлить ход. Ясно стало, что до вечера нам не спуститься к нашему лагерю на Фортамбеке. Решили идти всю ночь, чтобы по крайней мере утром быть в лагере и не сорвать предполагавшегося выступления в обратный путь.

Когда подошли к отмеченной в свое время скалистой стене в конце ледника, было уже совсем темно, что еще больше осложняло спуск. Потребовалось больше двух часов тяжелой работы с веревкой и крючьями при соблюдении максимальной осторожности, чтобы преодолеть скалу.

Спустившись вниз, мы вздохнули свободно — главная опасность оставалась позади.

Но зато так нестерпимо начали болеть ноги, что каждый шаг был мучением. Тов. Гусак настойчиво советовал поставить палатку и оставаться мне почивать, а он спустится в лагерь и приведет товарищем. Но я категорически отказался. Во-первых, я не хотел беспокоить товарищем, пока у меня была хоть малейшая возможность двигаться; во-вторых, боли увеличивались с каждой минутой, мне грозила полная потеря самостоятельного передвижения; в-третьих, намеченнное на 3 октября выступление в обратный путь было бы сорвано, и я в этом случае на один день позже получил бы необходимую врачебную помощь.

* * *

Несмотря на мои страдания, мы спускались по ущелью, лишь по временам отдыхая 5-10 минут. Яркая луна достаточно освещала дорогу. Далеко за полночь приблизились к леднику Фортамбек и остановились под каменным «навесом» в начале ущелья, где провели первую ночь при восхождении. Так как с утра мы ничего не ели и от трудного спуска чувствовали сильную

АЛЬПИНИЗМ В КАЗАХСТАНЕ

В. Зимин

Зам. пред. алмаатинского клуба
альпинистов

Зиму 1937 г. алмаатинский клуб альпинистов использовал для теоретической учебы и повышения квалификации актива. В период каникул альпинисты проводили учебу по лыжной технике в районе турбазы Горельник; горно-лыжная школа при «Динамо» выпустила первые кадры, владеющие горно-лыжной техникой. Альпинистская школа, работающая в доме отдыха «Медео», выпустила 26 младших инструкторов.

Сейчас работой клуба и местными секциями охвачено до 1 000 чел.

Основным больным местом в работе казахстанских альпинистов являлась недостаточность научно-исследовательской работы в походах. Поэтому план восхождений 1937 г. построен с учетом изучения ледников, флоры, фауны и т. д. Каждая группа, идущая на штурм вершин, получит от научных учреждений определенное задание по исследовательской работе. От выполнения этого задания будет зависеть и оценка работы всей группы.

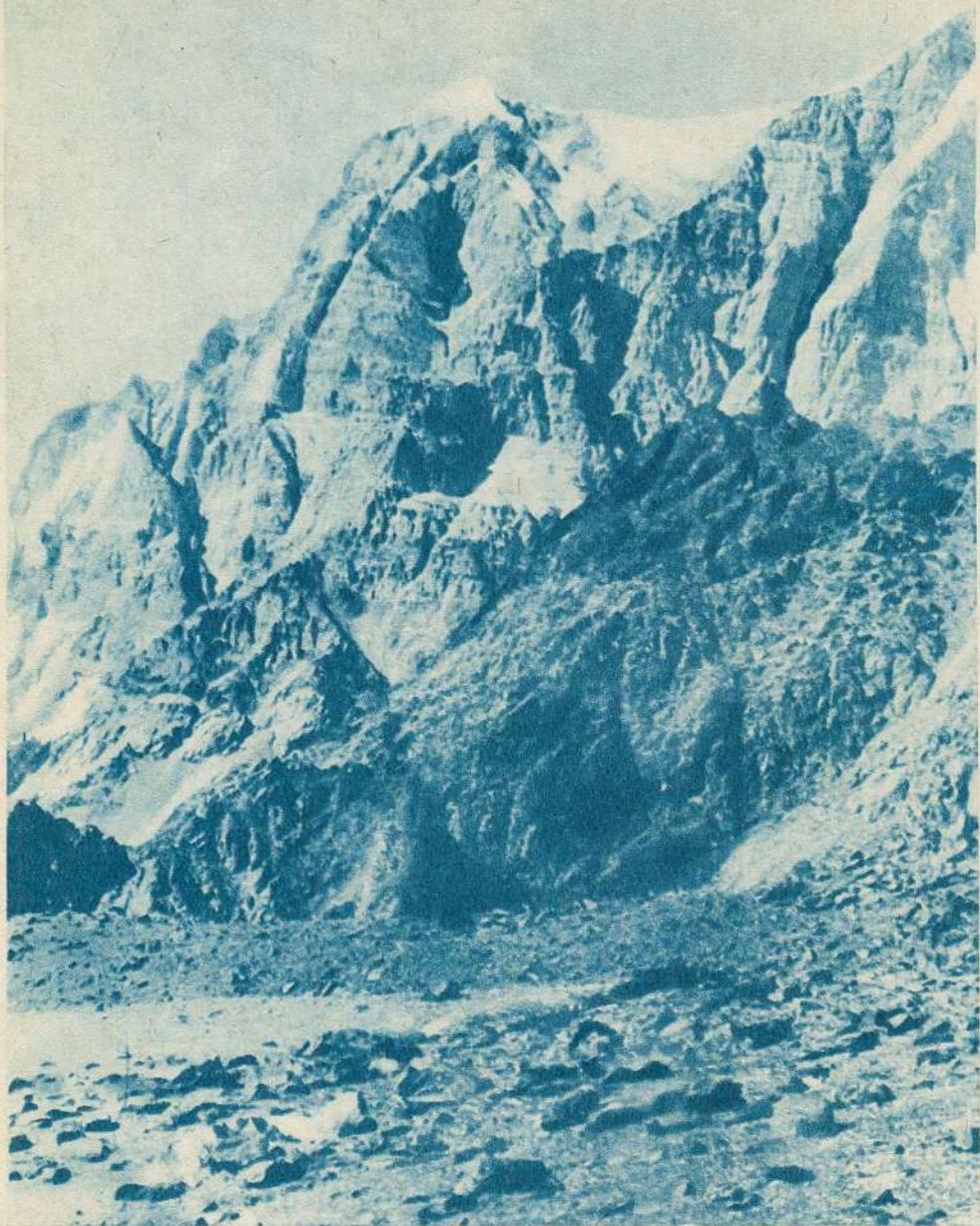
Летом 1937 г. намечены альпинистские походы на следующие вершины: Северную Талгар-Копыр (4 750), группой руководит т. Дордий; Юго-восточный Талгар (4 950), с юго-запада — т. Мамонтов; Иссыктен-Чоху с севера (4 800) — Агафонцев; Актау в среднем Таларе (4 500) — Денисов; Отрог Дмитриева с севера (4 500) — Семин; Карлытай, Тыш-тау (4 100) — Россова; Ина-тау (4 200) — Кибардин; Кон-Бастау в районе р. Кибель (4 700) — Мусабаев; Чоктал в долине Джиндысу (5 000) — Зимин; Иссыктен-Чоху с юга и долина Чилике (4 800) — Камалов; Безымянная в районе Кунгей-Ала-тау (4 800) — Гусев; Безымянная в Джунгарском Ала-тау в долине Коқ-су (5 000) — Ляшенко; Безымянная в Джунгарском Ала-тау (4 800) — Померанцев; Каракольский пик в районе Терской Ала-тау (свыше 5 000) — Лобанов; пик Мраморная стена в центральном Тянь-Шане (6 200) — Синицын; пик Коссиора (6 000) — Тютюнников; пик Хан-Тенгри (7 200) — Колокольников.

Командиры штурмовых групп приступили к подбору людей; весной последние будут заняты на практической учебе в ближайших ущельях и mestechках. Снаряжение группы еще не обеспечено. Местные ТЭУ освоили производство ледорубов, молотков, кошек и крючьев. Клубу необходима помощь со стороны Москвы по обеспечению походов палатками, обувью, веревками, рюкзаками и карабинами.

В Алма-Ате вполне возможно создать один из основных центров альпинистской работы СССР. С таким заявлением недавно выступил в краевой печати представитель Горной секции ВЦСПС. Однако эта секция уделяет недостаточное внимание работе алмаатинского клуба. Клуб испытывает тяжелое финансовое затруднение.

В первую очередь необходимо прислать в Алма-Ату снаряжение и учебные пособия, иначе в начинаящийся сезон клуб в состоянии будет обслужить растущие массы альпинистов.

При Всесоюзном комитете по делам физической культуры и спорта при СНК СССР создана секция альпинизма. Она должна уделить внимание молодому альпинистскому движению Казахстана.

Вид на пик Корженевской

усталость, то решили отдохнуть, рассчитывая быть в лагере самое позднее на рассвете. Но на спуск по скалистой стене в конце нашего ледника и по ущелью мы потратили около 10 часов и только к 10 часам утра 3 октября подошли к основному лагерю. Здесь нас встретили Баржаш и Белецкий. Не дождавшись 2 октября вечером нашего возвращения, опасаясь за нашу судьбу, они пошли на поиски. По нашим следам они дошли до ущелья, где и заночевали. Ночью не заметили нас, когда мы проходили мимо, и узнали о нашем возвращении лишь утром по оставленным нами следам.

Немного погода мы были уже в лагере, но там, кроме нас, не было никого: Гущин, Федоров и Альгамбров со всем лагерным имуществом ждали нас за Азямонским мостом в 3 км от лагеря. К ним поспешили Белецкий и Гусак, чтобы провести приготовления для выступления в обратный путь.

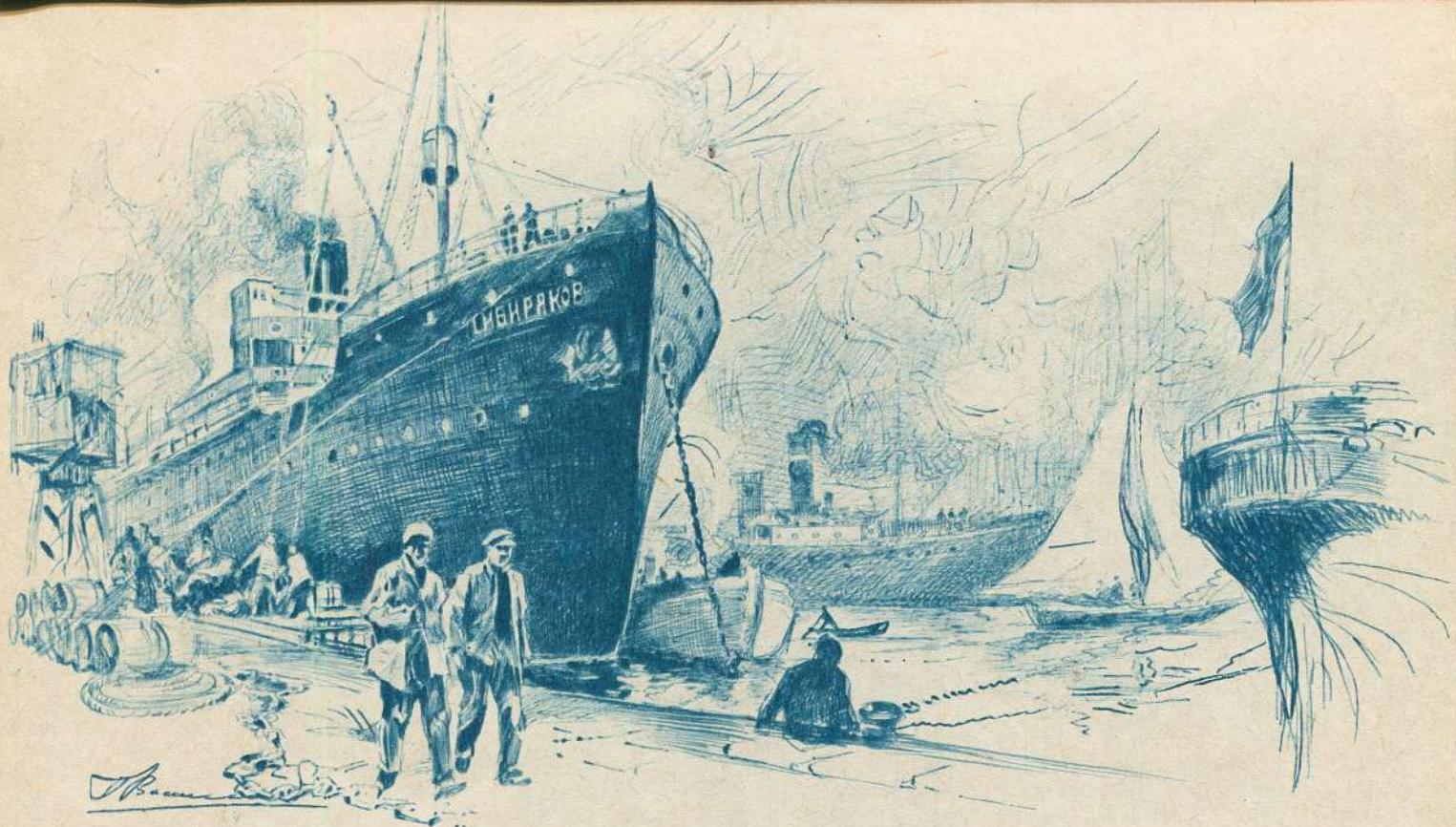
Я с трудом дошел до этого места левого берега ущелья р. Фортамбек, где начинается короткий, но очень крутой спуск к Азямонскому мосту. Тут навстречу мне с другого берега вышел Гусак и освободил меня от тяжелого рюкзака. Я спустился к мосту, прошел его, но больше не мог уже держаться на ногах. До большого камня,

по которому обычно с помощью веревки подымается из ущелья на правобережную террасу р. Фортамбек, мне пришлось добираться на четвереньках.

Веревкой меня потянули вверх. Над камнем меня подхватил тов. Федоров и пронес около 50 м, где нас уже ждали оседланые лошади. Дальше мы поехали верхом.

В ущелье реки Исфайрам нас встретили главный врач ферганской больницы Кубасов и доктор Зуев, высланные для помощи. Они осмотрели мои ноги, сделали перевязку и направили меня в ферганскую больницу.

На сушу и на море

Ледокольный пароход «Сибиряков» шел в рейс из Архангельска по всем становищам Мурманского берега. Выслушав Брауна, капитан сухо сказал:

— У меня мест нет. «Сибиряков» пассажиров не возит. В свою каюту я взять вас не могу. Есть трюм, где живут зверобои во время тюленьего промысла. Но там нет света, а вам надо заниматься писаниной.

Браун покидал капитансскую каюту весьма огорченный. Рушились давние его мечты посмотреть Север.

— Всем кому? — остановили Брауна на палубе.

— Да теперь, пожалуй, ни к кому, — мрачно ответил он. — Хотел пойти с вами

Рассказ Макса Зингера

Рисунки худ. П. Васильева

в рейс, да вот капитан сказал, что места на судне нет.

— А вы кем хотели пойти: штурманом, матросом или механиком?

— Я собственно... корреспондент...

— А я третий штурман «Сибирякова» Гриценко, будем знакомы. Так вы говорите, что капитан отказал вам? Это не беда. Ему самому отказали в рейсе, снимают с этого судна, потому он и зол. Нам дают другого «деда». Идите в мою каюту, вторая по левому борту, можете чувствовать себя, как дома. Занимайте койку или диван, что

понравится. В двенадцать часов вира якорь! И мы с вами побываем в кают-компании. После двенадцати простишься с Архангельском, и я свободен на четыре часа...

Пока он говорил, стрелы поднимали с пристани груз и опускали в трюм парохода. Гриценко поднимал вверх руки и в такт помахивал кистями. Это означало: «спускайтесь плавно». Затем он ускорял движения рук, и быстрей работал послушный ему лебедчик. Когда, наконец, руки вытягивались вверх с неподвижными ладонями, грохот лебедки замерал.

В каюте третьего штурмана было тесно и пахло одеколоном. На полочке рукомойника лежали тюбики с зубной пастой и кремом для бритья. Возле дивана на борту были прикреплены открытки с женскими головками. Вряд ли они, эти женщины, были лично знакомы моряку. В каюту они, вероятно, попали из дешевого сикспенсовского¹ магазина. Над койкой в небольшой старой рамке висел портрет пожилой женщины, очевидно, матери моряка, и рядом с портретом — финский нож в самодельных ножнах из эбонита. На дверце шкафа красовалась олеография, вывезенная из голландского порта. Быстроходный трехмачтовый клипер в полном вооружении резал воды взъятого моря. Он птицей несся под всеми парусами на фордевинд. Как говорили в старину: на таких деревянных судах плавали железные люди. В свежий ветер клипер делал по восемнадцати миль в час. Каждый хороший моряк начинал свою морскую жизнь непременно с парусника. Тот, кто не ходил под парусом, тот не знал по-настоящему моря. Гриценко начинал свое мореходство с парусника. И клипер, как символ борьбы человека со стихией, главенствовал в каюте моряка и звал к этой борьбе.

25 февраля с. г. правительство наградило орденом «Знак почета» писателя-энтузиasta освоения Арктики — Зингера Макса Эммануиловича.

Начиная с 1928 г., тов. Зингер является постоянным участником основных походов судов, проводимых Главсевморпути с целью социалистического освоения нашего Заполярья. Прошлым летом тов. Зингер на пароходе «Анадырь» совершил сквозной рейс по северному морскому пути из Мурманска во Владивосток, «Анадырь» входил в состав колонны судов с флагманом ледоколом «Литке», на котором находился нач. Главсевморпути тов. Шмидт. Начиная с 1931 г., тов. Зингер является постоянным сотрудником нашего журнала.

Редакция поздравляет тов. Зингера с высокой наградой, полученной им от правительства.

Редакция журнала «На суше и на море».

¹ Любая вещь — «сикс пенс» (шесть пенсов).

— Вот так и плавам! — сказал Гриценко своему новому знакомому, входя в каюту.

Штурман долго и не торопясь мыл руки, потом, захлопнув стенной умывальник, сказал:

— Пообедаем, что ли, а потом минуток триста оторвем от жизни. Погрузка окончена. Сейчас бы в море. Но наш новый «дед» из парусных моряков канителит с отходом. Вряд ли кто лучше его знает море. Но чтобы в пятницу выйти, ни боже мой!

II

Терский берег, возле которого хватил грунта ледокол «Сибиряков», был каменист и безлюден. В нескольких милях от места аварии значилось на карте становище Золотая Лица. Судовой радист всю ночь вызывал Архангельск, но тот не отвечал на вызовы. Вода убыла во время отлива, и корабль скренившись стоял на обсушке.

— Вот так и плавам! — сказал Гриценко, заметив у поручней скучающего Брауна.

Штурман надел хрустевшую проолифенную непромокаемую одежду, завязал у подбородка широкополосую зюйд-вестку и стал похож на дюжего моряка со старинной гравюры, хотя был еще безусым комсомольцем.

— Пойду уродоваться! — подмигнул он скучающему Брауну и ловко по концу спустился в шлюпку, плясавшую за кормой ледокола. Еще два матроса прыгнули за них в шлюпку. Ее подхватило волной и понесло.

— Море шутить не любит, — сказал один из матросов, смотревший с кормы ледокольного парохода на быстро уходившую шлюпку.

— Это для Гриценко не зыбь, он море видел! — решительно заявил стоявший рядом с матросом кочегар.

И верно. Весла и руль в натужившихся руках повернули шлюпку к судну.

Гриценко сам набрасывал лот, обмерял глубины вокруг корабля. Отлив кончился, и вода стала медленно прибывать. Шлюпку захлестывало волной. С зюйд-вестки штурмана струями стекала вода. Она солонила губы. Проолифенная одежда сверкала, словно обрызганный росой. С релинга ледокола свесились все свободные от вахты люди и следили за шлюпкой. «Сибиряков» скренился на левый борт. Браун поднимался на правый борт, как в гору. Целые сутки никто не входил в кают-компанию, где недавно в часы общего сбора было шумно и людно. Браун думал про себя, что если посчастливится кораблю сняться с банки, то во второй раз он, Браун, уж никогда не пойдет на север, в это мглистое, суровое море. Моросил мельчайший дождь.

— Небо насквозь прогнило. Карты неверны, — жаловался Брауну проходивший к себе в каюту капитан. — Вот и врезались в берег во время тумана. «Сибирякову» это не впервые.

Браун курил глубокими затяжками и вдруг увидел совсем под бортом возвращающуюся шлюпку. Гриценко что-то кричал, но его слов нельзя было разобрать. Штурман, сделав промеры вокруг судна, пошел от него мористей, ища надежный выход к большим глубинам, и сейчас возвращался, заметив по шлюпочному компасу нужный курс.

Кожаные брюки и суконные портнянки штурмана промокли насквозь. Он растер ноги и грудь спиртом, переоделся и перенесся во все сухое, хватил по совету врача немного спирта, запил водой и сказал Брауну оживленно:

— Вот так и плавам!

В час наивысшего прилива, работая полным ходом, «Сибиряков» снялся с грунта и лег курсом на Мурманск. Здесь в полярном порту Браун простился с гостепримным моряком.

— Ну, как? Пойдете еще раз на Север? — спросил Гриценко, ехидно улыбаясь.

— Пускай белые медведи ходят на Север, а я поеду в Сочи или Симеиз, — ответил Браун. — И не доверю каботажить! Пойду в дальнее плавание. Там идешь в тумане

или в шторм, не знаешь своего места в море, тебя запеленгуют, укажут твою точку и все, олл-райт! А здесь? Какое тут к лешему плавание! Молотьба и больше ничего! Пускай белые медведи ходят на Север, а мы пойдем в Ливерпуль, Антверпен, Гамбург.

Соплаватели распрошались, быть может навсегда.

III

Не один Гриценко, возвращаясь из полярного плавания, давал себе зарок бросить Север. Но вот наступала весна, тянулись на север и птицы и люди. Восемь лет кряду ходил штурман Гриценко в Арктику после памятной аварии «Сибирякова». Ни туманы, ни льды, ни безлюдье Севера не отвращали пути молодого моряка. Через восемь лет Гриценко шел старшим помощником на большом пароходе «Альбатрос» в сквозной рейс из Владивостока в Мурманск. За годы скитаний штурман исходил все крупные советские порты и обосновался во Владивостоке. Теперь в каюте его уже не было открытое с женскими головками из саксенского магазина. Их заменили фотографии дочери и жены. Но попрежнему украшал каюту величавый клиппер. Вместе с Гриценко в одной каюте жил верный его друг собака Альма. Она знала сорок два слова, понимала своего хозяина и любила его.

Капитан «Альбатроса» дальневосточник Пятых не раз говорил своему старшему помощнику, что все неприятности, поломки, аварии случаются с кораблем обычно в легкой обстановке. Так и вышло. «Альбатрос» шел в разреженном льду. У мыса Северного белели единичные обломки ледяных полей.

— Возьмите немножко правей! Оставьте эту льдину слева! — приказал Гриценко молодому матросу Лосеву, стоявшему на руле.

— Есть правей! — ответил матрос и подложил право руля.

Но пароход не слушался рулевого. Заело теломотор рулевого управления, и судно понесло прямо на льдину, высокую синюю крепкую громадину.

— Судно катится лево, не слушается руля! — встревожению сказал Лосев.

Но Гриценко и без него видел это и дал «полный назад». Прозвенел машинный телеграф. Снизу из машинного отделения отзвинили на мостик исполнение. Но сила инерции была велика и, несмотря на задний ход, «Альбатрос» ударился носом о льдину. В буфете и в кают-компании зазвенела от удара посуда. Все повскакали со своих мест. Выбежали на верхнюю палубу. «Альбатрос» продолжал идти вперед как ни в чем не бывало. На носу парохода мычали как всегда коровы, печальные путешественницы на Крайний север — свежее мясо для зимовщиков. «Альбатрос» расколол льдину пополам. Кругом была чистая вода.

— И надо же было на чистой воде вмазать в такую дуру! — зло地说了 самому себе старший штурман. Оглянулся. Позади него стоял капитан.

— Спуститесь в форпик, кажется, наломали дров! — тихо сказал капитан.

Старший помощник вернулся нескоро. Он поднялся к капитану в рабочей синей робе, держа в руках еще непогашенный электрический фонарик. Руки и лицо, вся роба моряка были в грязи.

— Ну, как? — спросил капитан.

— Полетело шесть заклепок, разошелся шов в одном месте. В форпике пока сантиметров на пятнадцать воды.

К утру форпик был полон воды, и дважды в день спасательные помпы откачивали воду, поступавшую из моря в утробу корабля. «Альбатрос» шел к устью Колымы, где предстояла разгрузка.

За мысом Шмидта лед стал гуще, и «Альбатрос» медленно протискивался вперед. Прикатый норд-вестовыми ветрами к пригубным берегам, лед остановил бег корабля. «Альбатрос» лежал в дрейф. Сразу стало скучно на пароходе. В кают-компании люди молча собирались, молча ели и расходились, не проронив ни слова. Старшему штурману Гриценко, столько раз плававшему в Аркти-

ке, было неловко смотреть в глаза капитану, и он старался с ним пореже встречаться.

С затопленным форпиком «Альбатрос» сидел «свиньей», низко уйдя носом в воду. Таким судном трудно было управлять во льдах, и каждый раз, выходя на вахту, Гриценко вспоминал, как на чистой воде он разыскал одинокую льдину и грохнул в нее кораблем.

Как-то на мостике капитан подошел к старшему помощнику и сказал ему:

— Видите, я был прав. Все поломки бывают обычно в легкой ледовой обстановке. Так оно и вышло. Теперь смотрите с плавсредствами поосторожней. Амбарчик — бухта неспокойная, как бы у нас чего не оторвало. Сами понимаете, что для нас дорога не только каждая баржа, но и каждый тузик на Колыме. Чем скорей мы разгрузимся, тем скорей выйдем отсюда и проскочим наверняка без зимовки. Я не думаю вам выговаривать за форпик. Тут дело в телемоторе, а не в вас. Это могло случиться, если бы и я в это время стоял на мостике. Но вот с плавсредствами смотрите!

— Есть, есть! — ответил Гриценко.

IV

«Альбатрос» пробился к устью Колымы лишь в конце августа. Заря уже больше не встречалась с зарей. Море не освещалось по ночам. Гуси и утки табунились, предчувствуя близкую зиму. Ночью над горизонтом вспыхивали дрожащие сполохи.

— Нам не в Мурманске идти, — хмуро говорил старый боцман, — нам только разгрузиться и срочно искать себе место для зимовки.

А их не так много у чукотских берегов, этих мест, — поддержал боцман матрос Лосев. — Нам теперь дорога одна — в Чаунскую губу за Раутаны... Северные сияния — это к метелям, к близкой зиме. А неинтересно зимовать на пароходе.

Эх, Колыма, ты, Колыма,
Новая планета!
Двенадцать месяцев зима,
Остальное лето...

глухо пропел боцман.

— Невесело ты поешь сегодня, старик, — сказал Лосев.

— Спой ты веселей, а я послушаю, — деланно-обидчиво ответил боцман.

Капитан Пятых без удовольствия посмотрывал из своей каюты на чаственные снегопады за иллюминатором. Капитан был внутренне спокоен. Он втайне обдумал так: целый месяц дули ветры нордовой четверти, они поджали лед к берегам. У Колымы стамухи, должно быть, забором стоят на мелях, заграждая в бухту Амбарчик ход льду. В бухте, как на озере! Там ни волны, ни льду.

Расчет старика не оправдался. В тот год северные ветры не пригнали льда к устью Колымы. Ветры развели крутую зыбь в бухте в день прихода «Альбатроса» в бухту Амбарчик. За кормой на коротком конце была спущена моторная шлюпка. Этой шлюпкой с рулевым мотором «архимед» Гриценко пользовался для связи с берегом.

— Что же у вас плавсредства с наветренной стороны стоят? Ветер ведь свежеет, — недовольно заметил капитан старшему помощнику. — Этак у нас к вечеру нечем будет сообщаться с берегом!

Плавсредства завели на длинном конце за корму, только один рульмотор стоял с наветра. О нем Гриценко действительно забыл и, краснея, слушал капитана. Поручив вахтенному матросу перевести рульмотор на подветренный борт, Гриценко поднялся на мостик, как вдруг с кормы донеслось протяжно:

— Шлю-у-у-пку унесло!

Вахтенный выпустил нечаянно из рук фалинь, переворотя шляпку, и ее понесло по волнам в сторону от парохода. Гриценко увидел с мостика, как подхваченная волной шлюпка быстро удалялась от «Альбатроса». На одно мгновение штурман задумался,

¹ Конец для крепления шлюпки.

«До острова Сухарного надо было пройти вброд одну милю»...

потом сбежал по трапу, а за ним и матрос Лосев.

Пароход стоял на якоре. Разгрузка еще не начиналась. С берега, опасаясь посвежевшего ветра, баржи не подходили к борту парохода.

— Они хорошую погоду выжидают, как будто сейчас начало августа! — ворчал боцман, поглядывая на далекий берег и бревенчатые постройки Амбарчика.

Всего лишь несколько лет назад здесь был пустырь: одна избенка да амбарушко. Промышленники, летавшие здесь, прозвали место Амбарчиком. Так и осталось это название за полярным портом, выросшим в несколько лет. Много домов и складов было сооружено здесь в короткий срок «Дальстроеем», открывшим колымский золотой фонтан Страны советов. Полярный порт освещался электричеством. Вдоль ряжей стояли катера и баржи.

— Боцман! Скорей за мной в тузик! Шлюпку унесло! — крикнул Гриценко, спускаясь по штурм-трапу.

За штурманом потопалился матрос Лосев.

— Стриженая девка косы не заплетет, и я буду с вами! — крикнул в ответ боцман.

Он спускался в тузик, держа в руках буханку свежеиспеченного хлеба и две коробки «сокровищ» — дальневосточных иваси.

— Идешь в шлюпке на часок, а бери запас на денек, — как бы оправдывая свою задержку, сказал боцман.

Люди налегли на весла.

Тузик быстро нагнал шлюпку и повел ее обратно к пароходу.

— Ай, да молодцы! — говорили на корме «Альбатроса». — Такого старпома поискать на Дальнем Востоке, даром, что пришел к нам из Северной конторы.

И пошли на корме разговоры о том, какие моряки лучше: дальневосточные, ленинградские или черноморцы? Порешили, что балтийцы ходят по континенту — загорают от безделья по европейским портам, архангельцы — трескоеды, но море знают, это верно, однако, лучше дальневосточных моряков в Союзе нет.

Тузик, забуксировав шлюпку, не выгребал против волн. С парохода заметили, что тузик и моторную шлюпку стало уносить в море по ветру и зыби. Видно было вон из угла, как Гриценко перешел с тузика

в шлюпку и пытался завести мотор. Но мотор не работал, и напрасно терял силы старший штурман.

«Альбатрос» стоял в суточной готовности. Это значило, что лишь через сутки он смог бы привести в движение свою машину. Но если механики скратили бы это время наполовину, то и тогда «Альбатрос» не смог бы подойти под берег к шлюпке Гриценко из-за своей большой осадки. Не мог пароход идти к мелям, опасным даже для шлюпки.

Капитан Пятых, глянув с мостика в бинокль на шлюпку в штурмившем море, безнадежно махнул рукой и приказал по телефону в радиорубку:

— Немедленно передайте в Амбарчик начальнику порта: «С «Альбатроса» унесло на зыбь-вест две шлюпки с тремя людьми. Необходимо срочно выслать на помощь надежный катер. Мы не можем оказать помощь. Шлюпку несет к мелям.

Два паровых мореходных катера были в ремонте, а третий не мог держаться в свежую погоду. Но все же его послали на помощь. Катер вернулся к вечеру в порт. Старшина катера доложил капитану порта Амбарчик, что из-за крутых зыбей подойти к шлюпкам никак не мог, что несет их к отмелям устья Колымы. Тогда капитан порта отрядил часть команды на берег для поисков.

На «Альбатросе» говорили только о пропавших.

Шлюпку сносило к берегу на малые глубины. Солеными захлестами кропило людей. Ватированная одежда вся намокла, тело стыло на ветре, немели руки, судорожно сжимавшие скользкие весла. Гриценко решил отстояться, бросил якорек; тот сначала дрейфовал по илистому грунту, потом забрал, шлюпки остановились, и моряки сразу повеселились.

— Закипела в море пена, будет ветру перемена. Не век же хозяйничать норд-осту, станет потише, мы и вернемся на судно запросто, — сказал боцман.

— Подхарчить что ли? — предложил Лосев. — А то мы с холода мокрые насквозь промерзнем.

— Рано еще харчить. А вдруг норд-остахватит на неделю, — возразил Гриценко.

После небольшого спора решили все же немного подправиться, чтобы не отошать и не захолодить еще больше.

Якорный конец не выдержал сильной зыби и лопнул. Шлюпку снова потащило к мелям. Вдали показался остров.

— Вот так и плавам! — тихо сказал Гриценко.

— Кажется, придется нам теперь помалу загинаться, — еще тише заметил матрос Лосев.

— Это не факт, — возразил боцман. — В прошлом году такая же цикория с нами получилась на западном берегу Камчатки, и никто не загнулся. Человек не лошадь — все перенесет.

Боцман достал из кармана ватных брюк трубку и кисет с махоркой. Табак намок. Размокли и спички. Боцман положил спички и табак в густые волосы себе под шапку.

— Зачем это? — спросил Лосев.

— Это старый морской способ. Голова лучшая сушилка.

Тут, взглянув на пенившееся море, боцман плонул и сказал:

— И верно говорят, кто на море не бывал, тот и страху не видал.

Насквозь промокшее белье прилипало к телу. Людей знобило на ветру.

Альма — собака старшего штурмана — не находила себе места на «Альбатросе». Она металась по судну, обнюхивала каждый уголок, иска своего хозяина. С ним, бывало, она всюду ходила по судну, взбиралась по трапу на полубак, полуют, спардек и даже мостики. Часто по пароходу можно было видеть старшего штурмана с трубкой капитана в зубах и за ним лениво перебирающую лапами Альму. Теперь она была представлена самой себе. Все были встревожены случившимся, и никто не обращал внимания на собаку. Вспомнил про нее сам старший штурман, только ничем не мог помочь ее горю и сказал:

— Да, лучше на берегу у моря, чем в море у берега.

Представилась ему вдруг маленькая до-чурка Мурочка. Она, наверное, безмятежно спала в деревянной кроватке. Ей и во сне не снится, какая опасность угрожает ее отцу. Вспомнилась жена... И он отмахнулся от дум. Вдруг увидел как будто перед глазами просящую умную морду Альмы.

— Небось, ходит теперь по судну некромленная, — подумал жалеючи Гриценко.

Чайки пролетали низко над головами моряков.

— Сейчас бы сырую ее схарчил, — сказал Лосев.

— Их не бьют, — раздраженно заметил боцман.

— Эх, старина, отстал ты от жизни. Почему же в чаек не стрелять, если бы при нас ружье было? — спросил Гриценко.

— Да потому, что чайки — это души погибших моряков, может быть, таких вот, как мы с вами.

— Старо все это, дракон. Самые суеверные моряки после Ютландского боя¹ изменили свое отношение к чайкам.

— Почему?

— Да после боя сотни моряков плавали в спасательных кругах в ожидании помощи, а чайки клевали им живым глаза. С тех пор...

Сильным накатом моряков вновь обдало студеной водой.

— Жизни дает! — процедил сквозь зубы боцман, утирая рукавом лицо и дрожа весь от холода.

— До чего есть охота! — сказал матрос.

— Ничего, потерпи! Барский сын гулянем сыт, — с усмешкой пробормотал боцман.

— Веселенькое же наше гулянье...

Одежда отяжалела от воды и студила тело. Сидели рядом, тесно прижавшись друг к другу. Так, казалось, было хоть немного теплее. Все нагнули головы, защищая себя от свирепых захлестов. А шлюпки продолжали совместный стремительный бег к отмелам, лежавшим перед островом, как западня. Их называли колымчане лайдами. Мели смирили силу зыби. Здесь шаг волны был короткий. Шлюпки, вылетев на мель, остановились, и волны стали перекатываться через них.

— Приехали! — сказал Гриценко.

Боцман сидел понуро и молчал. У Лосева стучали зубы.

— Вставай, старик! Скреплев маяк показался! Сейчас будет и Уради-восток! — шутливо, по-японски картавя, сказал Гриценко.

Боцман мутным взглядом посмотрел на Гриценко, на Лосева и сказал:

— Какой Владивосток? Сейчас бы чайку горячего и минуток триста оторвать от жизни. Чай — пойло умное. Попил чайку, в голову взойдет и спать.

Лосев вдруг запел надтреснутым баском:

Где мы: далеко или близко,
Каким течением нас несет,
Куда теперь наш курс ведет,
Быть может, прямо в Сан-Франциско.

Штурман Гриценко встревоженно посмотрел на матроса, и ему впервые стало не по себе.

— Ты что, Лосев, не во-время песни поешь, — сказал матросу боцман.

Матросглянул на боцмана чужими глазами и замолчал.

Захлест воды как бы пробудил матроса. Он вздрогнул, отплонулся от соленой холодной воды, стекавшей по его лицу. Но на губах все еще было нестерпимо солено. Волны продолжали перекатываться через шлюпки.

— Это, вероятно, Большой Сухарный! — указал Гриценко на остров, выросший перед ними. — Здорово же нас снесло. А ну, дракон, ты свое постал! Нам в путь пора! Пойдем в брод.

— До берега не меньше мили будет, — нерешительно сказал Лосев.

— А хоть бы и две мили. Спасение наше зависит теперь только от нас самих. Собирайся! — скомандовал штурман.

— Есть, собирайся! — повторил команду матрос.

Боцман, не поднимая головы, тихо ответил:

— Я немножко посплю. Идите без меня. Я вас потом догоню.

— Ты пропадешь здесь один, старина! — сказал Гриценко.

— Не отпадет голова, так будет и бороться, — попытко отвечал боцман.

— Так советские моряки не поступают. Товарищей в беде не бросают. Если идти, то всем вместе. На плечах мне тебя не донести. Я и сам с трудом держусь на ногах.

До острова Сухарного надо было пройти вброд одну милю по мелям в ледяной воде Восточно-Сибирского моря истощенным и исхолодавшим людям...

V

Забравшись на полулю под спасательную шлюпку, протяжно и жалобно выла Альма.

— Вот же скунт, бр-р-родяга! — говорили про нее матросы и кочегары. Говорили беззлобно.

Матрос Шевченко, которого Гриценко особенно любил за расторопность, глядя на Альму, сказал:

— Если бы мог, сам бы так завыл, может быть, полегчало немного.

— Какого корешка потеряли, какого корешка! — сожалел второй штурман.

— А, может быть, и вернутся еще? — нерешительно сказал повар, смотря вдаль на пенившееся море.

— В Арктике все может быть, — вступил в разговор старый буфетчик Сорока, делавший пятый полярный рейс. — У нас в третьем году такой же случай был в Провидении¹, и ничего — вернулись! Выдали им по бутылке красного, и на утро как ни в чем не бывало! Все в порядке!

— Ты еще скажи, что такой случай был в Конотопе! — оборвал повара второй штурман.

Разговор прекратился, люди разошлись каждый в свое помещение.

Старик — капитан — не спускался три дня в кают-компанию в часы общего сбора. Кушать подавали ему в его каюте. Он любил старшего помощника. Молодое лицо Гриценко, мягкий украинский говор и шутки, черные, ясные, веселые глаза, улыбка и сверкающие, часто посаженные зубы, широкие жесты, походка чуть-чуть с развалицей живо представлялись капитану, когда он вспоминал о случившемся.

Буфетчик, войдя в каюту Пятых и расставляя посуду на столике, сказал, глядя на задумавшегося капитана:

— Боцман взял у меня в шлюпку буханку хлеба и скоры.

— Мильный мой, у них от этого не осталось и грамма. Ведь сегодня уже четвертый день, как шлюпку унесло в море. Четвертый день штормит не переставая.

— А ведь верно, что четвертый... — подтвердил буфетчик, кашляя без причины.

Радист, склонившись в рубке над столом, принимал радиограммы с береговой станции Амбарчик. Среди прочих была одна на имя Гриценко за подпись Шуры. Жена сообщала моряку, что Мурочка здорова и кланяется своему папке. Радист долго вертел радиограмму в руках и отложил ее в сторону. Он прислушивался к эфиру. Далеко между собой говорили суда, звали друг друга. Амбарчик сообщал, что поиски пропавших производятся самолетом «Р-5» и двумя береговыми партиями, но пока без успеха.

Уборщица Катя, обслуживавшая коридор командного состава, попрежнему ежедневно заходила в каюту старшего помощника, мыла палубу горячей водой, вытирала тряпкой пыль со стола, шкафа и иллюминатора и особенно бережно рамки, под стеклами которых были портрет Гриценко и изображение любимого штурманом клиппера. На середине стола красовалась чернильница из морковного кlyка с изображением белого медведя, пьющего кровь из убитой им нерпы. Возле чернильницы лежал блок-нот, где старпом набросал план работ на ближайшие дни. Катя не убирала блокнота со стола, словно поджидала с часу на час возвращения хозяина каюты.

Все последние дни перед заходом в Колыму Гриценко думал о разгрузке. Она всецело занимала его. Сроки полярной навигации были коротки. Надо было спешить с разгрузкой, чтобы успеть прорваться за мыс Челюскин и не зазимовать где-нибудь у островов Петра или Самуила, в море Лаптевых.

Перечень ближайших работ Гриценко перенумеровал в блок-ноте по степени важности и очередности. Часть из них была отмечена галками, это значило, что они уже выполнены старпомом. «Поцелуйной» радиограммы домой так и не отправил. Не нашлось спокойной минутки.

VI

Метель туманила горизонт. Каждый день улетали на юг птицы. Сышен был их далекий крик. «Альбатрос» стоял у Колымы, медленно разгружаясь. Мешали свежие северные ветры. никто ничего не знал о шлюпке, унесенной в море. Неожиданно ветер отошел к зюйду. Погода сразу стала будто по-летнему ясной и солнечной. Загремели лебедки. Стрелы вздымали груз и опускали его с парохода на подошедшие борт к борту баржи. Разгрузкой руководил ревизор, переведенный по приказу в старшие помощники. Он выполнял намеченные старпомом работы. Трюмы «Альбатроса» пустели, и корабль заметно поднимался из воды.

На седьмые сутки «Р-5», сделав круг над «Альбатросом», пошел круто на посадку и сел под самым бортом судна. С самолета на подошедшую шлюпку летчик передал матроса Лосева и боцмана. Они не могли ходить, говорили приглушенно, не своими голосами. Одежда на них была изорвана и вся в грязи. Их подняли стрелой в корзине для подъема угля и понесли на руках.

Осмотрев больных, доктор нашел у обоих острый суставной ревматизм и значительное падение сердечной деятельности. Лосев был самым выносливым матросом на корабле. Блуждая по острову Сухарному, Лосев увидел пролетавший низко самолет. Летчик заметил одиночного человека и сделал посадку близ острова. Матрос нашел еще в себе силы, чтобы проводить своего спасителя к тому месту, где он оставил старшего штурмана и боцмана. Они лежали на плавнике...

— Иди, мы здесь приляжем, отдохнем. Сердце заходит. Ты выносливей нас, — вспоминал Лосев последние слова боцмана.

— Найдешь людей, присытай к нам, — говорил и штурман. — Я боюсь больше всего за боцмана, старику будет тяжелей, чем мне...

... Тело Гриценко закоченело. Старик еще дышал. Летчик дал ему несколько глотков спирта из фляги и вместе с Лосевым перенес старика на самолет. Здесь оба моряка сразу заснули в задней кабинке.

Тело погибшего товарища перевезли в Амбарчик. Здесь взорвали аммоналием землю для могилы, и после надгробных речей ружейный троекратный салют огласил вечную мерзлоту полярного берега.

«Альбатрос» ушел на запад. никто не мог отогнать от камней свежей могилы Альму. Она осталась здесь навсегда, как и ее хозяин.

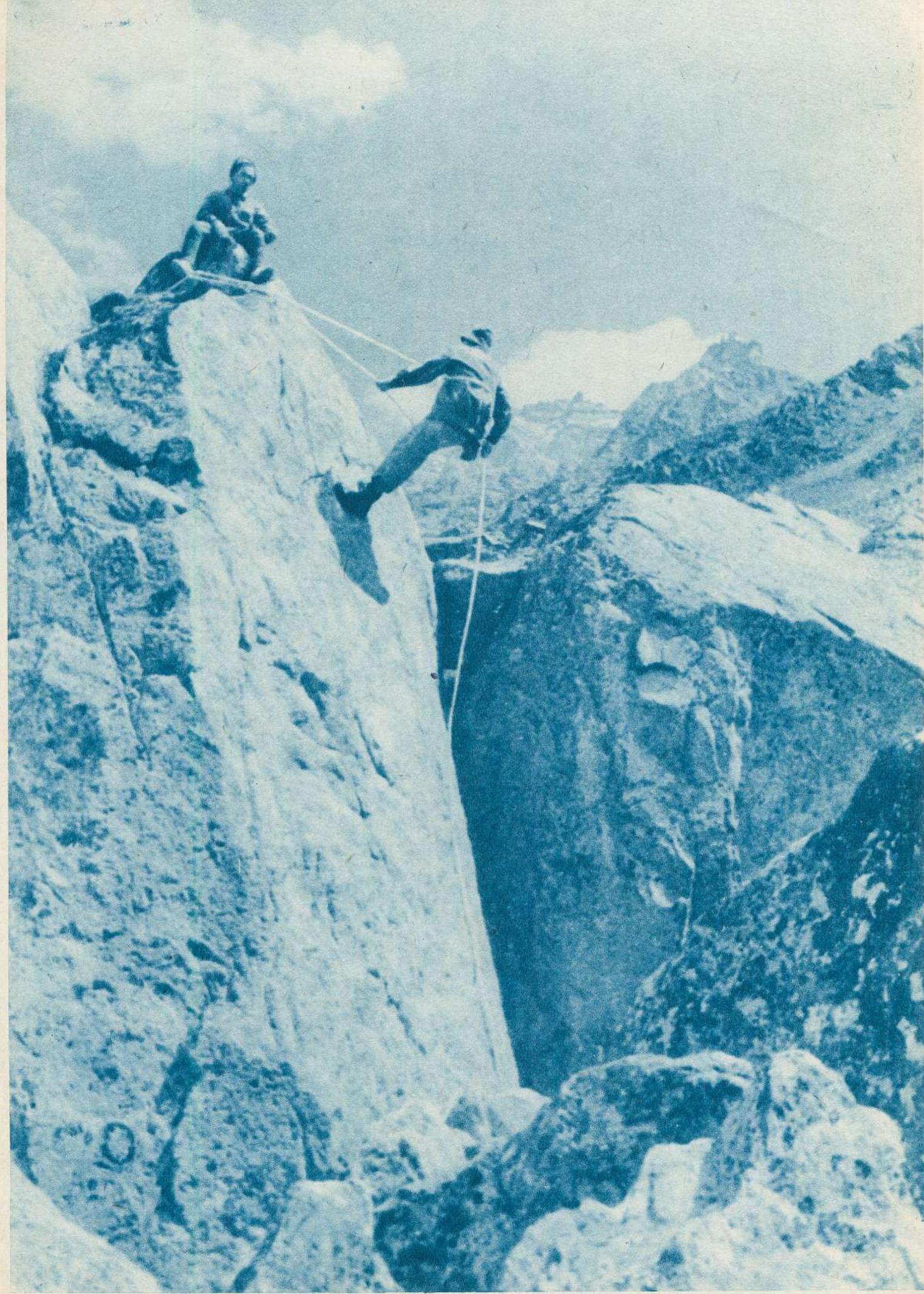
VII

В туманном Амбарчике, близ устья Колымы, у выложенного из камня могильного обелиска стоял человек в сапогах и кожаном обмундировании, сняв с головы шапку-ушанку. Он стоял долго и молча, как в почетном карауле.

— Идем, Браун! Довольно! Ты вот об Арктике пишешь! Черкни и о том, как советские моряки выполняют свой долг на Севере.

Восемь лет кряду ходил Гриценко на Север. Нарушил свой зарок и Браун. Он пришел на Колыму с запада на пароходе сквозного рейса «Карл Либкнехт».

Завали полярные цветы. Сентябрьским снегом запорошило тундру. Дни стали короткие. Шугу прибывало к берегам. Улетели на юг перелетные птицы. Но через девять месяцев жизнь снова и бурно зачищала здесь, и солнце светило круглые сутки.

Скоро лето!

Аргутскому хребту и горному узлу Биш-Иирду (Северные Чуйские Альпы). Намечено восхождение на Белуху со стороны Ак-Кемского и Кошурлинского ледников. К участию в этом походе привлекаются лучшие альпинисты Западносибирского края.

Всего на Алтае побывает не менее 400-500 западносибирских альпинистов.

В данное время идет усиленная подготовка к сезону. Кошки, ледорубы и др. снаряжение заказаны на предприятиях местной промышленности, изыскиваются средства по линии профсоюзов; тридцать альпинистов проходят курсы инструкторов, с которыми проводилась лыжная тренировка.

М. Биллевич

Зам. пред. горной секции Западносибирского КСПС

У КИЕВЛЯН БУДЕТ СВОЙ ЛАГЕРЬ

В 1937 г. киевские альпинисты, наконец, будут иметь свой горный лагерь. Организатором этого лагеря является горная секция спортивного общества «Наука». Лагерь будет открыт в Домбайской поляне (Кавказ). В течение июля — августа в нем побывает 60 чел. (две смены).

Инструкторским составом лагерь обеспечен. Плохо обстоит дело с альпинистским снаряжением и лагерным оборудованием. ТЭУ ВЦСПС обеспечивает лагерь только горными ботинками. Все остальное приходится изготавливать самим. Особенно остро ощущается недостаток в палатках.

Подбором и подготовкой людей в лагерь горная секция общества «Наука» начала заниматься с января. Систематически, один раз в шестидневку, работает семинар по альпинизму. Для освоения альпинистами техники скалолазания перед выездом их в горы весной будет проведено несколько тренировочных выездов в окрестности г. Житомира (3—4 час. езды от Киева) на скальные обнажения р. Тетерева.

Со стороны членов общества «Наука», а также и других спортивных обществ Киева проявляется живой интерес к первому для Киева горному лагерю. Многие крупные научные работники г. Киева изъявили желание совместить свое пребывание в лагере с исследовательской работой в горах.

К. Татарко

Зам. пред. горной секции Киевского о-ва «Наука»

КАК МЫ ГОТОВИМ ИНСТРУКТОРОВ

Осенью 1935 г. добровольное спортивное общество «Локомотив» организовало школу инструкторов альпинизма. С особой тщательностью были отобраны 25 лучших альпинистов. Слушатели собирались раз в шестидневку для теоретических занятий. Помимо лекций по технике альпинизма в школе читали лекции по географии, геологии, первой помощи. В спортивном зале делали упражнения в прыжках, спусках на веревке и т. д.

Весной 1936 г. был проведен целый ряд выездов в Царицыно, где проходили тренировки в скалолазании на стенах развалин дворца.

Летом все слушатели школы выехали на Кавказ, в район Теберды. Предварительная теоретическая подготовка дала возможность сразу приступить к практическим занятиям по альпинизму, не теряя драгоценного времени.

Практические занятия проводились так. Сперва шли тренировки по скалолазанию, ходьбе по фирну и т. д., делали восхождения на легкие вершины, а затем на зачетные (по значку «Альпинист СССР» I ступени).

После такой подготовки участники школы совершили самостоятельные восхождения, которые по окончании подвергались самому внимательному разбору. В результате за один месяц работы школы и за два месяца лагеря участники школы совершили более 60 горновосхождений.

Каждый инструктор, окончивший школу, взял от 7 до 11 вершин, трудность — от первой до четвертой ступени.

Добровольное спортивное общество «Локомотив» летом 1937 г. организует школу альпинизма повышенного типа в Безингийском районе. В этой школе прошлогодние инструкторы закончат двухгодичное обучение мастерству альпинизма.

Благодаря последовательной и углубленной учебе альпинисты-железнодорожники получат 25 хороших инструкторов.

Г. Харлампиев

Старший инструктор альпинизма

РАБОТАЕМ БЕЗ ПОМОЩИ

По примеру двух прошлых лет горная секция при днепропетровском облсовпрофе этим летом устраивает горный лагерь в ущелье Адырсу (Кабардино-Балкария). За пять смен он пропустит 1 000 чел. В лагерь мы построим стационарную кухню, столовую и кладовую. В этом году у нас будут звуковое кино, душ, жилые палатки будут оборудованы кроватями, тумбочками, в них проведем электрическое освещение, радио и пр. Для обслуживания лагеря купили два автомобиля.

Альпинисты спортивных обществ «Сталь», «Спартак», «Локомотив», «Наука», «Стройтель» и др. проводят походы и восхождения самодеятельных групп на Кавказ. Начиная с 1937 г. мы организуем походы групп подготовленных альпинистов с целью сдачи норм на значок «Альпинист СССР» 2-й ступени и покорения вершин в районах Терли, Донцах, Цея, Казбека.

В настоящее время в Днепропетровске работают две школы: по подготовке инструкторов — на 20 чел. и пом. инструкторов — на 60 чел. При горной секции общества «Сталь» организована школа пом. инструкторов на 20 чел. Наряду с прохождением теоретического курса обучения слушатели этих школ проходят практические занятия с веревкой, по скалолазанию, а в первомайские дни организуется выезд инструкторской школы на неделю в Крым, где будет проведена серьезная тренировка по скальной технике.

На курсах начинающих альпинистов (по программе норм на значок «Альпинист СССР» 1-й ступени) обучается свыше тысячи человек. Этую работу ведут горные секции при вузах и спортивных обществах в Днепропетровске, Кривом Роге, Запорожье.

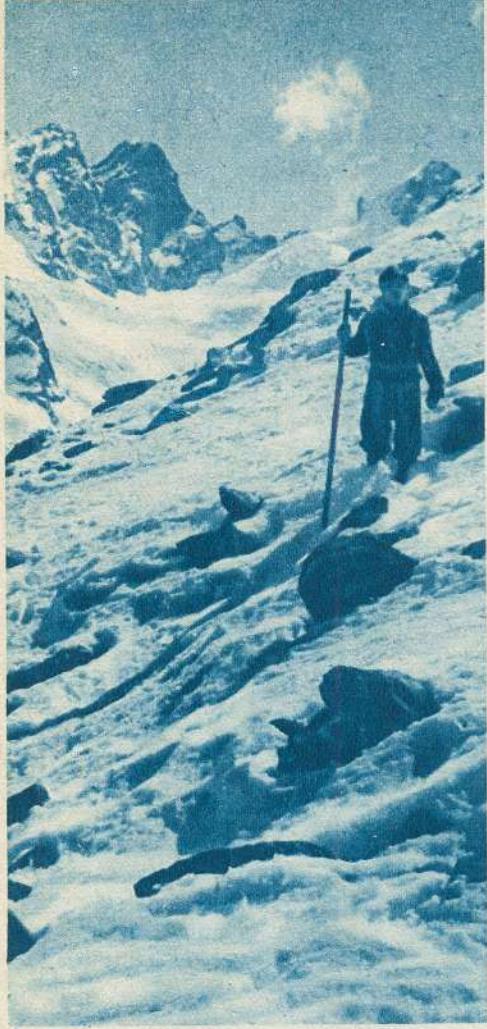
Плохо то, что мы почти совершенно не чувствуем помощи и руководства со стороны горной секции ВЦСПС, у нас нет хороших наглядных пособий по технике ходьбы в горах (фото-альбомов, диапозитивов, образцов хорошего снаряжения) и совершенно отсутствует обмен опытом в работе с другими горными секциями. Нет ясности в структуре наших организаций.

Совершенно неудовлетворительно (как и в прошлом году) обстоит дело со снаряжением. Нальчикскому клубу альпинизма заказано снаряжение. Уже сделаны ледорубы, кошки, крючья, молотки. От ТЭУ ВЦСПС получили часть палаток и 110 пар обуви. Этого совершенно недостаточно. Недостаток палаток и обуви ставит под угрозу срыва наших мероприятий.

Мы вправе требовать от горной секции и ТЭУ ВЦСПС более внимательного и заботливого отношения к нашей большой альпинистской организации.

А. Зюзин

Пред. горной секции Днепропетровского ОСПС

Свежий снег на Аманаусе (Кавказ)

Фото В. Сочеванова

ИДЕМ НА АЛТАЙ

Первая западносибирская альпиниада на вершину Белухи в 1935 г. дала 86 альпинистов и возбудила внимание местной общественности к этому интересному виду спорта. В 1936 г. была успешно проведена профсоюзная альпиниада в Чуйские Альпы, давшая уже 117 альпинистов.

1937 г. альпинисты Западной Сибири начали большой победой. Семь молодых альпинистов: братья Алексеевы, Корзун, Нагибин, Голубовский, Собенин и Ефимовский совершили зимнее восхождение на вершину горы Ольги (3 950 м) в Чуйских Альпах. Это восхождение говорит о возможности в дальнейшем развивать альпинизм на Алтае и зимой.

Летом 1937 г. на Алтай пойдут отдельные альпиниады профсоюзов и самодеятельные группы альпинистов. Пять групп будут дотириваться из средств профсоюзов в размере 50 проц. расходов по походам.

В районе Чуйских Альп у подножия гор Иикту, Ольга и др. с июня открывается альпинистский лагерь на 200 чел., к строительству которого уже приступило ТЭУ ВЦСПС. Сюда пойдут альпиниады профсоюзов и краисовпрофа, состоящие из альпинистов-новичков. За 15 дней пребывания в лагере они пройдут теорию и практику альпинизма и совершают зачетное восхождение на одну из вершин. Здесь же с 15 июня открывается месячная школа по подготовке инструкторов альпинистов. Руководителем школы приглашен А. Ф. Гетье.

На вершину Белухи пойдут альпиниады: ЦК угольщиков (22 чел.), женская (15 чел.), имени 15-летия Оиротской автономной области (30 чел.) и др. Всего Белуху будут штурмовать около 120 чел.

Горной секции краисовпрофа детально разработан научно-исследовательский поход по краисоводческим горным районам Алтая:

на лодке ПО БАЙКАЛУ

Очерк К. Жолковского.

В погоне за „Ангарой“

Переход от Песчаной до Бугульдейки сделали за полтора дня. Суровый, дикий берег покрыт редким лесом. Высокие склоны круто спускаются прямо к воде, но все же береговая линия есть и на нее, если понадобится, можно вытащить нашу лодку и прижаться к скалам.

Бугульдейка видна издали. Очертания берегов меняются. Лес исчезает, и на горах видны только отдельно растущие деревья. На берегу русские и буряты. Рыбаки. Их бригады собираются уходить в море на рыбалку. Нас угошают омулями. Распластанный и поджаренный на костре на манер шашлыка — на деревянной жердочке — омуль изумительно вкусен.

Ночуем в нескольких километрах за Бугульдейкой. Ночь опять неспокойная. С берега дует сильный ветер. Несколько раз встаем и бежим к лодке подтягивать ее дальше от берега: боимся, что унесет.

К утру превосходный «култук». Но часть его мы, конечно, опять пропускаем. Мы все еще не овладели необходимым стилем плавания по Байкалу: недостаточно гибки и подвижны и не умеем приспособливаться к погоде.

Впрочем, как раз сегодня нас это мало огорчает.

В Крестовой по нашей новой наметке конец лодочного пути, до нее же осталось не более километров двадцати пяти.

Вышли с попутным ветром. «Култук» был настолько силен, что для того, чтобы удерживать лодку по курсу, приходилось почти все время рифить парус.

На этот раз особенно тяжело приходилось «лодырю». Искусство управлять лодкой при таком ветре и волнах заключалось в том, чтобы идти на гребне волн. Волны были высоки — метра 1,5—2. Ветер гнал их вперед, и они, догоняя нас, всякий раз обрушивались на корму и захлестывали ее. То и дело раздавалась команда «лодыря»: «Выше, парус выше!»

Парус завивался до отказа вверх, лодка опять шла вровень с волной, но налетал ветер, нас вырывало с курса, и парус снова рифили.

Весь этот переход до Крестовой состязались с пароходом «Кругобайкалец». Несколько раз он догонял и обгонял нас, но усиливался ветер, и мы опять шли вровень с ним.

Крестовая — пустынное место, но на берегу люди: они приехали из соседних улусов и промыслов к пароходу «Ангара» и ждут его. Встречают нас похвалами: красиво шли. Покуда разговариваем, Байкал вал за валом заливает нашу лодку. Бросаемся к ней, а она уже доверху полна водой. Приходится вытаскивать вещи и сушить их. Мы не очень огорчены происшествием. Мы у цели. «Ангара» придет часов через 12 — не раньше: значит, на все есть время. Сейчас разожжем костер, сварим обед, разобьем палатку, просушим вещи. А завтра рано утром погрузимся вместе с лодкой на пароход.

Но не прошло и 20 минут, как мы не в теплой каютке, а на нашей же лодке под полным парусом вихрем, только брызги разлетались вокруг, вылетели из бухты.

— Если вы хотите попасть на «Ангару», — заявил нам капитан «Кругобайкальца», — сейчас же снимайтесь и гоните на Ольхон — «Ангара» в этот рейс в Крестовую не зайдет, пассажиров сюда привез я.

— Но ведь отсюда до Ольхона 70 км, и мы все равно не успеем на «Ангару».

Фото В. Михалева и К. Жолковского

— А может и успеете. Если ветер не переменился, за ночь дойдет.

Выбора у нас не было, и нам ничего другого не оставалось, как опять пуститься в дальнейший путь.

Только мы вылетели из бухты и обогнули мысок, как стало ясно, что попутный ветер не удержится. Навстречу нам шла сине-черная туча, застилая собой весь горизонт. И действительно, не пошли мы и трехчетырех километров, как прошел дождь и разыгралась «горная». Пришлось выкинуться на берег и переждать «погоду», прижавшись к каменистому берегу и держа в руках за веревки лодку.

Оставшийся до Ольхона переход делаем не торопясь. «Ангара» все равно ушла. Красота берегов окончательно примиряет нас с потерей «Ангара». До самого Ольхона почти все время тянутся крутые, отвесные скалы.

Вдали виден Ольхон: оказывается, линия его гор уже несколько дней была перед нами. Ольхонских ворот ждем за каждым мысом. По нашим расчетам, мы давно уже должны были подойти к ним, между тем за каждым поворотом открываются все новые мысы материкового берега, а ворот нет и нет. Мы уже порядком устали. По очертаниям берега начинает казаться, что нам еще ехать и ехать.

Обманчивым мысам мы уже больше не верим. И вдруг, совершенно неожиданно, когда мы этого меньше всего ждем, перед нами Ольхонские ворота. Вид поразительнейший: по эффективности может быть сравнен разве только с внезапно открывшейся панорамой моря у Байдарских ворот в Крыму.

Осторожно высываем нос лодки из-за скалы: в воздухе тихо и спокойно, вдали видны горы и черный провал р. Сармы. Из провала дует «сарма», часто со скоростью, достигающей до 144 км в час. В самих воротах ветер свищет, как в трубе, и выдувает в море все, что случайно оказывается в этот момент в воротах. Даже мощная «Ангара» не заходит в ворота, когда дует «сарма», и, минуя Ольхон, идет прямо в Усть-Баргузин на другой берег Байкала. Нас эта пасть Сармы встретила милостиво. Подул слабый попутный «култучко», и мы под парусом пересекли ворота, вошли в бухту и стали на стоянку.

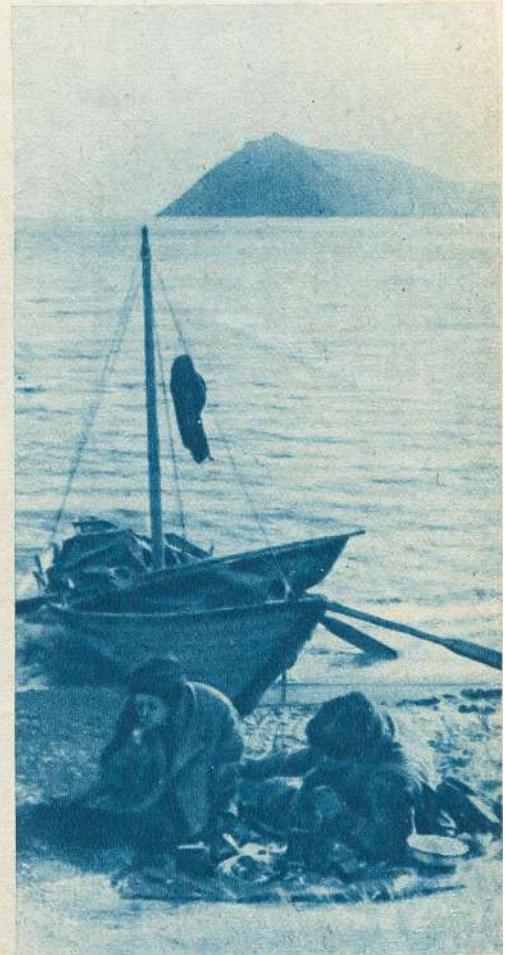
Позади осталось 230 км лодочного пути.

Остров Ольхон

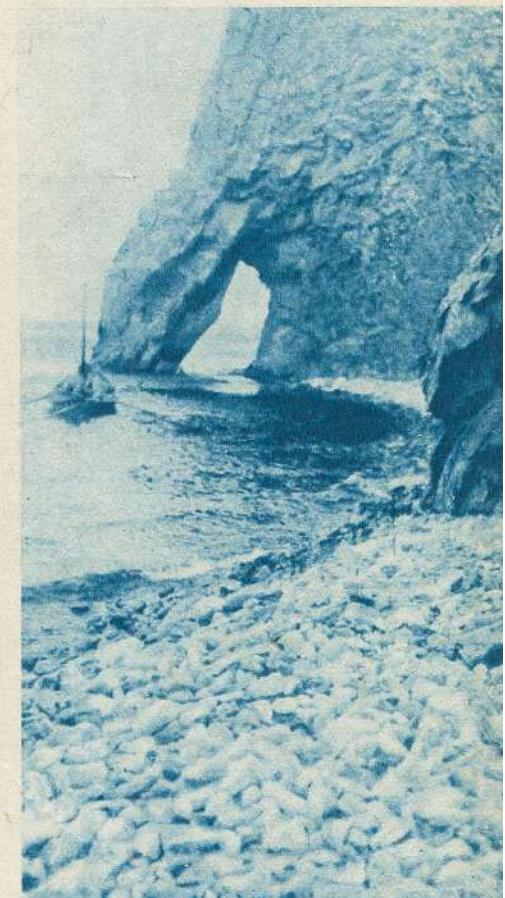
Ольхон по-бурятски — «лишенный воды». И действительно на острове нет ни одного ручейка, ни одной речки. В южной части Ольхон уныл и пустынен. Пологие, почти не покрытые растительностью склоны холмов тянутся с запада на восток через весь остров, где скалистым берегом обрываются в Байкал. Лишь на севере около Хужир начинается тайга. Продолжением Ольхона служит полуостров Святой Нос. Горы острова Ольхона и Святого Носа — продолжение Баргузинского хребта. Подводный хребет, идущий от Ольхона к Святому Носу, делит Байкал на две части: северную и южную. Очевидно, Святой Нос и Ольхон составляли раньше одно целое. По бурятскому преданию на острове одно время жил Чингис-Хан, перейдя на него из Баргузинской тайги по перешейку, соединившему тогда Ольхон и Святой Нос.

Ольхон населен в большей степени, чем материк, живут на нем буряты. Занимаются они главным образом рыбной ловлей и отчасти земледелием, скотоводством.

Часть Байкала между Ольхоном и западным берегом носит название «малого моря».

Дневка на берегу Байкала

Мыс Дыроватый на Байкале

«малое море» — самый бурный и опасный участок Байкала. Но в то же время «малое море» одно из наиболее богатых промысловых мест рыбной ловли. На Байкале богатые рыбные промысла имеются еще в Баргузинском и в Чивыркуйском заливах, и на севере в Нижнем Ангарске. Наибольшее промысловое значение на Байкале имеет омуль. Омуль чудесная, жирная и нежная на вкус рыба. Кроме омуля в Байкале ловится осетр, хариус, сиг, таймень. В Байкале водится нерпа или байкальский тюлень. Появление тюленя в Байкальском пресноводном бассейне до сих пор еще не имеет объяснения.

На промысел рыбаки выходят в больших подкатах-мореходках. Весь режим рыбной ловли на Байкале подчинен ветру. Ветер сдувает поверхностный теплый слой воды с находящимся в нем планктоном. За теплой и сырой водой плывут мальки, за мальками мелкая рыбешка, за мелкой рыбешкой пускается вдогонку омуль, а уж за омулями тянутся рыбаки. Поэтому местонахождение рыбачьих артелей никогда точно неизвестно. Говорят, что места пребывания рыбы рыбаки определяют по цвету воды. Вся эта сложная механика недоступна туристам, и если они хотят поесть не дареную, а пойманную рыбу, то пусть удовлетворяются ловлей не в самом Байкале, а в прибрежных озерах, так называемых «сорах». В Заглях на Ольхоне в близлежащем «соре» во множестве водятся окунь, щуки, плотва.

Заглы — центр рыболовных маломорских промыслов. Здесь мы пополняем наши запасы. Это — первое место после Лиственничного, где можно приобрести хлеб. В Заглях строим новый — уже третий по счету — вариант маршрута. Из Онгурен (куда мы дойдем на лодке) хотим, перед походом на Лену, съездить на «Ангаре» в Нижний Ангарск и оттуда сходить к эвенкам.

14 августа выходим из Заглей и идем с попутным ветром по ольхонским фиордам. Впервые на Байкале попадается птица. Стреляем, но неудачно. Утки близко не подпускают.

Проходим мимо утеса Кобылья Голова и острова Хубун. Берега скалистые, с причудливыми профилями. В одном месте, гонясь за уткой, налетаем на мефистофеля. Он в шляпе с пером. Его гордый профиль глядит прямо в глотку Сармы. «Турист» и «фотокор» щелкают почти одновременно. Представленная самой себе лодка по инерции движется вперед. Силуэт мгновенно исчезает и на его месте остается простое нагромождение камней.

В общем, места унылые и однообразные, правда, отдельные мысы и скалы очень

Бухта близ Шаманьего мыса

эффектны, так что удается сделать ряд интересных снимков.

Но что приятно в «малом море», это ощущение уюта. После безбрежной шири Байкала кажется, что едешь по большой реке. На противоположном материковом берегу видны высокие горные цепи — Приморский хребет. Горы покрыты таежными лесами — над ними возвышаются голые сопки, «гольцы», как их зовут на Байкале.

На следующий день мы собирались дойти до Хужир, но с утра дует сильный «верховик», и мы сидим на берегу, ехать в такой ветер нельзя.

Буряты-рыбаки готовятся к «сарме»: подводят лодки под мысы с наветренной стороны, вытаскивают их на берег и закрепляют. «Сарму» ждут к ночи, но на лов не выходят. Мы советуемся с ними и решаем, что ехать дальше все же можно. Едем осторожно, около самого берега. Все время скалы, правда, встречаются и бухточки, куда можно юркнуть в случае, если начнется «сарма». Вдали появляется улус Хужиры. Виднеется лес, впервые на Ольхоне. Растет он, правда, по-особому: многие деревья стоят по земле.

Застряли в Хужирах: «сармы» все еще нет. Дует сильный «культук», но рыбаки перезяжут море не советуют, говорят, что при таком ветре к тому берегу не пристанем —

захлестнет и разобьет. В этом месте ширина «малого моря» 12—15 км. Ехать безрассудно. Решили переезд отложить. Впереди времени достаточно, и мы к «Ангаре» безусловно успеем.

Идем на мыс Бурхан или Шаманий. Осматриваем Шаманий камень. Это громадный утес, круто обрывающийся в море. Издали он похож на двугорбого верблюда. В пещере Шаманьего мыса жил когда-то почитаемый бурятами шаман. Теперь шамана давно уже нет, но кое-кто еще приносит жертвы богам и духам. Мы нашли в пещере подарки бурятским богам: две папиросы и несколько монет.

Побывали мы и дальше в Хоронсах — большом бурятском улусе. Осмотрели там «дацан» — храм бурят ламаистов, построенный в китайско-тибетском стиле. Сейчас «дацан» заброшен, но он еще хорошо сохранился.

Древней религией бурят был шаманизм, но с разложением родового строя шаманизм стал вытесняться ламаизмом. Последний был занесен в Бурятию монголами и тибетцами. Ламаизм — ветвь буддизма — оказал большое влияние на забайкальских бурят и почти вытеснил оттуда «черную веру» — шаманство. На север Байкала он стал проникать значительно позднее, успешно заменив также и здесь прежних шаманов и православных попов-миссионеров. Теперь ламаизм, не говоря уже о шаманизме, потерял всяческое влияние, в особенности после победы колхозного строя.

Поздно ночью, возвращаясь из Хоронса в Хужиры, встречаем старого волка; это — ольхонский пленник: зимой по льду забрел он на остров и, отрезанный водой, остался на нем на все лето.

Переезд „малого моря“

Переезд через «малое море» — самая трудная часть нашего пути. Ширина его не менее 12 км. Чтобы преодолеть их, нужно иметь в запасе не менее трех часов времени спокойной погоды.

На западном берегу густые тучи, «сарму» ждут вот уж третий день, и поэтому предсказания самые различные. Мы, конечно, доверяем больше тем, кто говорит, что ехать можно.

Прилагаем крепче уключины, осматриваем весла, подтягиваем ванты и привязываем на всякий случай кормовое весло, чтобы не выбило из рук, если начнутся боковой ветер и вал.

Сначала берем курс перпендикулярно берегу. Но уже спустя час курс меняем. Подул ветер. Ветер боковой и лодку начинает захлестывать. Меняем курс так, чтобы волны не резать, а брать слегка в бок, бортом лодки. Новый курс держим уже на

После „сармы“

мыс Ото-Хушун. Это увеличивает путь, но иначе нельзя.

Берег Ольхона быстро удаляется. Сначала исчезли люди, потом с берегом слились постройки, а еще некоторое время спустя все подробности стерлись и осталось только общее очертание берега.

Ветер усилился. Грести становилось все труднее. Лодку вздымало вверх и бросало вниз. Хуже всего было ощущение неподвижности: оба берега застыли в отдалении, а кругом бушевал Байкал. Каждые 15 минут менялся рулевой. Обычно короткий отдык «лодыря» превратился в напряженную нервную, ответственную и тяжелую работу. Малейшее невнимание, и гребцов с головы до ног окатывало холодной водой.

Число «лодырей» — это название явно устарело — перевалило уже за дюжины, а противоположный берег все еще был далеко: он все еще возвышался сплошным хребтом, не обнаруживая ни береговой линии, ни отдельных деталей близкой земли.

Ветер и волны становились все злее и злее. Мы наваливались на весла изо всех сил, упорно борясь за каждый метр водяного пространства. Минутами казалось, что никогда не одолеть нам его.

Спустя четыре часа берег стал вырастать и приближаться. От него вытянулась и побежала навстречу длинная узкая несчастная коса. Последние усилия, и лодка заходит в спокойное, тихое, защищенное от ветра и волн место. В изнеможении выбираемся на берег. Позади 18 «лодырей». За 4 часа 40 минут пройдено 17 км. Мы под защитой мыса Ото-Хушун. Мы имеем право на отдых. За косой бушует и свирепеет Байкал.

Переход через «малое море» закончен.

На другой день после тяжелого перехода и плохой почевки встаем поздно. Дует вроде как «кулпучко», но какой-то странный, рывками. Грести мы устали и поэтому заняты бесполезным делом: поминутно то подымаем, то опускаем парус.

Вдруг замечаем, что сзади из пади свищет, «как из пульверизатора», водяная пыль. Бросаемся вперед, но через мгновенье из передней пади летит белая пелена водяных брызг.

Сомнений нет, это «сарма»!

К счастью, мы находимся у самого берега, между двумя падями, под защитой высокого обрыва. Под ним береговая линия — метров в 4—5. Вытаскиваем на нее лодку.

Мы находимся в хорошем месте, у нас сравнительно тихо, и мы можем спокойно наблюдать «сарму» как бы со стороны, хотя и находимся чуть ли не в самом ее центре.

Ветер с бешеной силой дует справа, слева, сверху. Все море в водяной пыли, и только небольшой кусочек перед нашим обрывом спокоен. Он весь в вихревых раз-

спах, заслоняя голову солнца. Едем и наслаждаемся: тепло, тихо, ясно, светит солнечный свет, кругом безбрежная ширь. Позади остается неприветливое «малое море».

Вдали — дымок.

— Что бы это могло быть? «Ангара»?

— Не может быть, сейчас она плывет уже где-нибудь возле Нижне-Ангарска.

Едем, не торопясь, дальше, поглядываем на дымок, а он все ближе и ближе, идет как бы к нам навстречу. Часа через полтора встречаем рыбаков.

— Далеко до Онгурен?

— Километров восемь.

— Что за пароход?

— «Ангара».

— Как «Ангара»? Ведь «Ангара» еще вчера ушла из Онгурен?

— Нет! Она только сейчас туда подходит.

— Как так?

— Да очень просто! Вчера была «сарма», ну, она и отставалась в Заглях, а сейчас идет из Усть-Баргузина в Онгурены.

Мы потрясены, мы в восторге. Байкал не только нас, но и «Ангару» запер. Значит, Н.-Ангарск не лопнул, все идет блестящее.

С новыми силами и энергией садимся на весла. Лодка быстро скользит по спокойной поверхности. Но нам это кажется медленным, мечтаем о ветре. Но Байкал тих и торжественен, как будто бы он вообще не знает, что такое ветер.

Налегаем на весла изо всех сил. Гребцам запрещено оборачиваться и смотреть вперед. «Ангара» уже хорошо видна.

Летим во весь дух. Проходит 20 минут!

Лодка летит все быстрее и быстрее, наполовину выскакивая из воды.

«Ангара» стала на якорь. Нажимаем еще яростнее. Слышишь, как нос лодки режет воду. Начинается встречный ветерок — грести становится труднее. Проходит еще 20 минут. Раздается свисток.

«Лодыри» кричат, что «Ангара» снимается!

Не может быть! Не верим!

Осталось каких-нибудь метров сто.

Опять свисток, и «Ангара» начинает выбирать якорь.

Лодка несется, как бешеная.

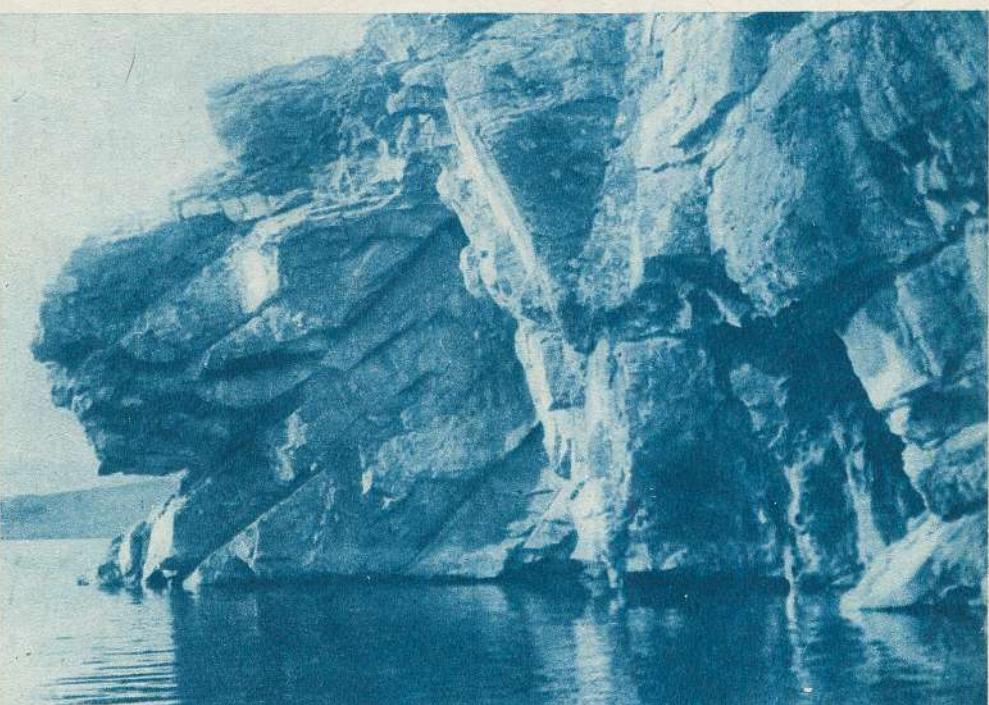
Еще свисток, и «Ангара» уходит. Гребем ей наперевес, машем руками, веслами, сигнализируем, стреляем! Раз, другой, третий.

Но все напрасно — «Ангара» ушла.

Злимся на Байкал, на себя, на «Ангару», на весь мир! Со злобой вспоминаем про утреннее сибирячество, но молчим.

Итак, Н.-Ангарск вторично лопнул, и мы, не увидя его, пойдем на Лену.

(Окончание см. в след. номере)

Скалы на острове Ольхон

Чайки в бухте Грин-Гарбург (о-в Шпицберген)

Грозна и величественна суровая Арктика. Она подстерегает человека на каждом шагу, но человек учится покорять стихию.

Большевикам не страшны морозы и выноги. На далеком Севере, за полярным кругом, 5 лет назад появились первые советские рабочие. На норвежском острове Шпицберген советское правительство купило рудники, брошенные голландскими предпринимателями из-за падения цен на уголь и жестокой конкуренции.

Купленные рудники Баренцбург и Грумант-Сити расположены в исключительно живописной местности. Когда пароход подходит к острову Шпицберген, с палубы виден большой залив Грин-Гарбург. Берега вырастают из моря высокими снежными шпицами, сплошной цепью окружающими залив. В глубине его на левом берегу еще издали заметно черное пятно; по мере приб-

лижения оно вырастает в рудничный поселок Баренцбург. Грумант-Сити расположен на правом берегу залива.

На Шпицбергене бывают сильные штормы, ветер достигает скорости 40 м в секунду. Нередки обильные снегопады, такие густые, что трудно различить предметы на расстоянии двух шагов. Благодаря теплу, приносимому Гольфстрремом, морозы в Баренцовом море не превышают 32°. Но они при полном штиле подбираются незаметно, и человек, ничего не почувствовав, обмораживает иногда пальцы рук или ног. Погода меняется очень быстро: ясный тихий день, а через час свирепствует буря.

Зимовщики с захватывающим интересом

рассказывали, как трудно было нашим горнякам восстановить заброшенный, замерзший рудник.

Нужно было освободить штуку от 5 тыс. т льда, чтобы добраться до угольных пластов.

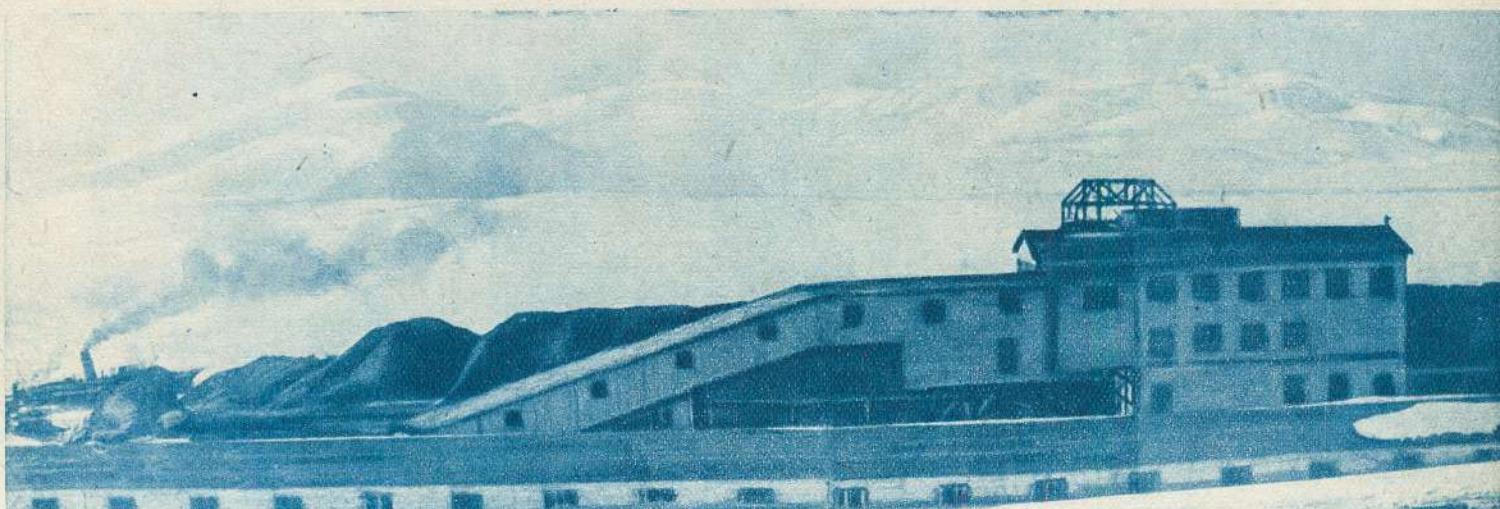
В эти дни ударная неутомимая рабочая масса не только под землей, но и на поверхности: строили жилые дома, ясли и электростанцию.

Трудно забыть героические дни, когда монтировался гигантский погрузочный кран высотой в 33 м. Работу пришлось заканчивать зимой в дни штормов и сильных бурь. В один из таких дней монтажники находились на верху крана. Не обошлось без жертвы. Сильный порыв ветра сбил их, и они погибли.

Первый год был очень труден, сурьёзной была жизнь на острове. Люди не знали особенностей климата. Много затруднений ставляло отсутствие воды. Летом пользовались водой, обильно стекавшей с гор.

На Шпицбергене

Очерк и фото Э. Евзерихина

первый мороз сковал ручьи и горные потоки, а снега еще не было. В поисках воды подошли к большому глетчери Фритьофа Нансена, взрывали аммонитом льдины и возили их в поселок.

В 60 км от Баренцбурга на Адвин-Бей работали норвежцы. У них была довольно высокая культура работы в шахте и сравнительно благоустроенный быт. Все это создавалось ими в течение двух десятилетий.

Догнать и перегнать норвежцев по производительности труда, создать лучшие условия быта — это стало делом чести советского коллектива. Здесь, вблизи иностранных рудников, эти задачи казались особенно важными, особенно волнующими.

В культурном отношении мы обогнали соседей очень скоро — в течение первого года. Норвежцы сводили «культурное обслуживание» рабочих к одной... церковке. В тесных бараках горняки-норвежцы спали на нарах, построенных в «два этажа». У нас, в Баренцбурге, каждые 3—4 чел. имели свою комнату. Во время одной из полярных ночей был выстроен трехэтажный каменный дом, в котором разместились столовая, клуб. Это самое большое здание в мире, в этих широтах.

Баренцбург вполне благоустроен, все дома освещаются электричеством, отопление преимущественно паровое. В каждом доме есть телефон. Телефоны имеются даже в лавах шахты, и часто соревнующиеся бригады справляются по телефону о ходе добычи в бригадах.

Выстроен замечательный шахтный бытовой комбинат, который соединен с шахтой галлереей; по ней горняк, выходя из шахты, попадает сначала в ламповую и в зал для хранения спецодежды, из зала — в баню, оттуда — в другой зал, предназначенный для хранения чистой одежды, затем — в парикмахерскую и зал отдыха.

Построено новое здание столовой, объемом в 12 тыс. куб. м, с механизированной фабрикой-кухней и лифтом. Здесь питается все население Баренцбурга. Столики в столовой украшены живыми цветами. В апреле, когда снежный покров достигал двух с половиной метров, а мороз — 25°, на руднике мы видели расцветшую под лучами электрического солнца нежную розу. К этому времени в теплицах рудника созревают ранние огурцы.

Хорошо живется на Шпицбергене малышам. Большим вниманием окружают их взрослые. Некоторые ребята здесь и родились. Во время долгой полярной ночи их облучают искусственным горным солнцем, дающим необходимые для растущего организма ультрафиолетовые лучи. Каждый день ребята получают молоко, которое поставляет подсобное хозяйство, имеющее стадо коров. Животноводческое хозяйство растет из года в год: одних свиней выращено 200 голов.

Долгая полярная ночь не пропадает даром для молодежи. В учебном комбинате рудника занимаются 150 молодых горняков. Созданы рабфак, курсы по подготовке в высшие учебные заведения, кружки иностранных языков. Развернута сеть кружков по изучению истории партии.

Весело отдыхает молодежь в клубе. Здесь занимаются два драматических кружка, оркестры, хор, шахматные и физкультурные кружки. Два раза в день демонстрируются звуковые фильмы.

По выходным дням любители охоты отправляются на лыжах в горы. Много дичи гнездится на крутых скалистых вершинах. Своебразен животный мир Шпицбергена.

Айсфиорды и небольшие бухты Шпицбергена богаты моржами и тюленями. Охота на острове разрешается в определенное время и является одним из любимых занятий зимовщиков.

Замечательные горно-лыжные походы проводятся на острове. Недалеко от поселка много живописных, интереснейших мест. Вблизи расположены два больших глетчера — Альдегона и Фритьофа Нансена.

Правда, такие походы разрешаются начальником рудника только во время полярного дня. Они требуют тщательной подготовки и хорошего снаряжения. Были случаи, когда из-за легкомысленного отношения к таким

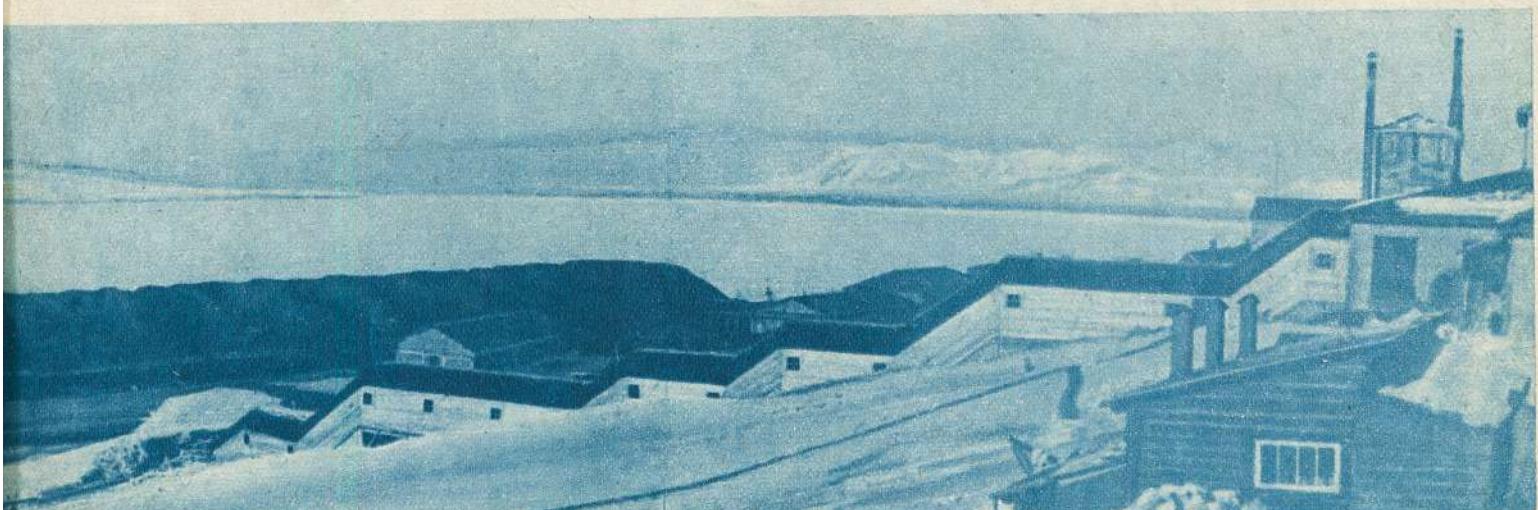

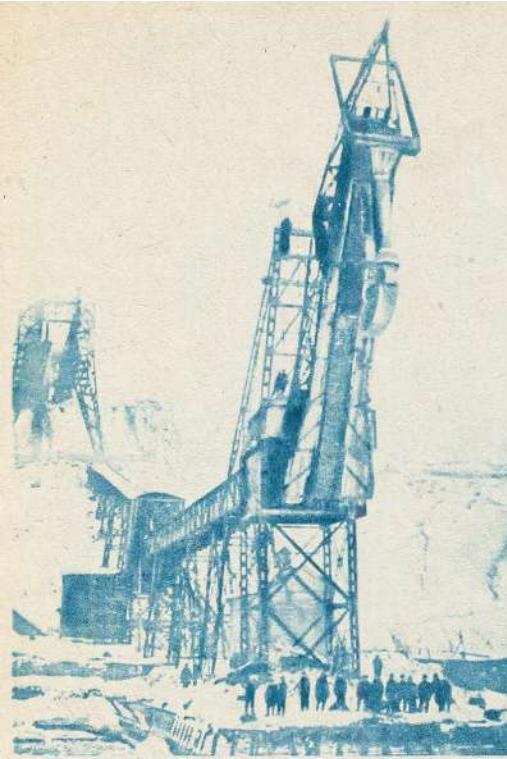
Охотник с трофеями

походам гибли люди. Так, нелепо погиб рабочий Фесенко. Однажды, соблазнившись мягкой погодой, он захватил ружье и вышел без всякого снаряжения походить. На обратном пути в 15 минутах ходьбы от рудника ему, видимо, захотелось отдохнуть. Он сел, уснул и больше не проснулся.

Сейчас население советских рудников достигло 2 тысячи человек, горняки уже изучили особенности климата, они научились побеждать холодную, темную зиму.

Каждое лето к скалистым, извилистым берегам острова Шпицберген подходят большие океанские пароходы с иностранными туристами. Одна из крупнейших в мире

Гигантский погрузочный кран высотой 33 м на советском руднике о-ва Шпицберген

туристских фирм «Кук и сыновья» ежегодно показывает своим клиентам дикую красоту северной природы и в том числе величественные горные ландшафты Шпицбергена.

Буржуазные туристы знакомятся с жизнью советских горняков самого северного промышленного района. Они не могут скрыть восхищения перед созданным большевиками социалистическим рудником.

Факты — упрямая вещь. Буржуазия, в лице норвежского губернатора Шпицбергена Вольмера Марлоу и директора угольной компании Эйпера Свердрупа, вынуждена перед всем миром признать победу преодолевших все трудности советских людей.

Вот что пишут они: «Мы считаем, что работа, проведенная советами, весьма трудна в техническом отношении, особенно в тяжелых условиях Шпицбергена. С неутомимой энергией руководители и советские люди победили трудности. Баренцбург на сегодняшний день представляет технически современный рудник, грандиозное предприятие. Добыча превосходит четыреста тысяч тонн угля в год. В бытовом отношении сделано много. Люди имеют очень довольный вид. В итоге проделанная на Баренцбурге работа величественна, и развитие рудника необыкновенно».

Шахты Шпицбергена снабжают углем советские суда, работающие в Арктике, и наши заводы и фабрики, которые расположены на севере.

За 78° северной широты большевиками построен промышленный город с прекрасными бытовыми условиями. Партия и советское правительство с большим вниманием отно-

Роза, выращенная в теплицах о-ва Шпицберген

сятся к жизни наших горняков Арктики; в этом сказывается великая Сталинская забота о людях нашей социалистической родины.

по „БЕЛОМУ“ ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(Продолжение, см. № 3)

Очерк Ф. Опарина

Вот и «белое пятно». Что же в нем особенного? Те же холмы, покрытые впереди между тундровой береской и камнями. Та же слева изрезанная линия темных скалистых гор водораздельного хребта.

Нет, есть особенное!.. Вот увал впереди загораживает горизонт. А за ним могут быть непроходимые каменные осыпи, могут быть обширные болота, узкая долина реки, да мало ли что там может быть! Карты нет, и никто не может сказать, что скрывается за этим увалом.

«Белое пятно» тянется километров на 150—200 и кончается за рекой Кожимом, где начинаются высочайшие горы Урала.

Коля и я (съемочная группа экспедиции) отдалились от каравана. Через плечо у нас лежат ремни походных сумок и анероид, на шее висит дальномерный бинокль, в кармане буссоль и компас. От точки до точки мурко идем, отсчитывая шаги. Где нельзя пройти прямо, расстояние определяем дальномерным биноклем. Это медленно, но зато точно.

Денек выдался жаркий. Медленно плывут редкие облака. Печет. Тишину нарушает только гудение гнуса. От него нет никакого спасения. На лицо, несмотря на жару, пришлось натянуть сетку накомарника.

Прошли много однообразных увалов. Пересякли не одну речку. Поднялись на вершину большого увала, когда солнце уже клонилось к горизонту. Долго осматривались кругом, но дыма от костра лагеря не увидели. Впереди спуск в глубокую долину, покрытую роскошным девственным лесом.

— Вероятно, караван вошел в лес. Пойдем дальше, Коля, — Коля не возражал. Вошли в долину, когда солнце бросало последние лучи на остроконечные верхушки задумчивых елей.

В долине тянуло прохладой от журчащей реки. Стемнело. Работать уже было нельзя.

Решили, что караван переправился через реку ниже по течению, и отправились на поиски его.

* * *

Облака спустились и закутали вершины окрестных гор. Пошел дождь. Стемнело. Устроились на ночлег под развесистой елью, около костра.

На рассвете были на ногах и, когда солнце начало золотить верхушки деревьев, уже снова мурко считали шаги.

— Нужно одному из нас идти вперед, чтобы найти караван, — говорю я. — Они, вероятно, ждут нас.

— Ступай вперед, а я поведу съемку, — предложил Коля.

Я с ним согласился. Лес снова сменился горной тундрой. Впереди постепенно поднимался увал, оканчиваясь каменной плоской сопкой. Недалеко протекала река. Ускоря шаги и через несколько минут стоя на краю глубокого узкого ущелья. В нем мечется река.

Осторожно спускаюсь в ущелье, перехожу вброд реку и поднимаюсь на другую сторону. Прошел метров двести и с вершины увала в бинокль увидел чум и пятно оленевого стада. Направился туда.

Навстречу с лаем выскоцили собаки, а вскоре из чума вышел и человек.

— Технический директор оленесовхоза, — откликнулся он.

Узнаю, кто мы, он долго удивляется.

— Кто?.. — от хохлю с оленями по тундре, а кроме оленеводов никого не встречал.

Становище оленеводов

Курите? — он предложил мне кисет.

Я взял табаку и с наслаждением затянулся крепким махорочным дымом.

— Берите на дорогу; у меня большой запас!

С благодарностью беру.

— А что нового в нашей стране? — через минуту спрашивал он. — Мы в апреле вышли со стадом и с тех пор не читали газет. Было радио, но израсходовались батареи.

Протягиваю газету с проектом Сталинской Конституции. Он тут же начинает ее читать и переводить обступившим его пастухам. Их лица оживились, засияли улыбками. Это ведь и их новая Конституция называет полноправными членами единой социалистической родины.

Часа через два пришел Коля. Подкрепившись олениной и чаем, вышли из чума.

— До Кожима? А кто мерил тундру? Считаем пятнадцать километров туда, — директор показывает рукой, — до чума нашего стада. У нас ведь несколько стад. Больше шести тысяч голов.

Еще раз осмотрели тундру в бинокль. Километров в трех у ручья какое-то движение. Через несколько минут от ручья темные точки гуськом потянулись по тундре. Сомнений нет. Это караван.

— Ну вот и товарищи ваши нашлись, — говорит директор, который и без бинокля прекрасно их видит. — Ну, прощайте!.. Хорошо надумали, что сюда приехали. Работы здесь много.

Директор стоит у чума, ветер треплет его светлые волосы.

Мы идем наперевес каравану. Вскоре четко стали видны навьюченные лошади и фигуры людей в плащах. Нас тоже увидели. Еще немного, и мы уже вместе с удовольствием тянем махорку и рассказываем друг другу о последних днях пути.

— Пошли! — поднимает нас Филипп. — Надо засветло успеть добраться до Кожима.

Идем три часа... Четыре... Пора бы быть чуму, а его все еще не видно. Растилается тундра удивительного плоского увала. Даже каменных полей не видно. Идущий впереди Филипп останавливается и задумчиво осматривается кругом.

— Неплохая естественная посадочная площадка, — роняет он.

Караван отправляем дальше, а мы с Филиппом начинаем промерять площадку, пробовать грунт и т. д.

Вот здесь вырастет здание аэропорта, проносится в мыслях. На той горе будет метеорологическая станция, и полотняный конус, как флаг, вознесется над ней. Я вижу, как стальная птица показывается из-за зубцов гор и, сделав два круга, идет на посадку. Вот она бежит по зеленому ковру горной тундры. Открываются дверцы кабины, и оттуда... Тогда оленеводы будут каждый день читать свежие газеты... «Белое пятно» будет стерто навсегда...

Оглядываюсь. Стальной птицы нет. Вершину горки венчает камень причудливой формы, не похожей на конус. Ничего нет... Но это будет!

На следующем увале догоняем караван. Темно. Уже идем шесть часов, но чума все нет. Кости говорит, что около гор слышал лай собак. Караван сворачивает туда. Скалы и камни. Чума нет... Белеет что-то справа. Идем туда. Оказался большой камень. Семь часов, восемь... Утомленные, разбиваем лагерь на кочковатом болоте около шумной реки.

Утром километрах в пяти встречаем чуму.

— До того чума? Километров пятнадцать будет, — отвечает пастух-коми на наши вопросы.

— Кто мерил?

— Олень ездил!..

— Тут не меньше тридцати, — говорим мы, а мы ведь на оленях ездим. Олени километры большие...

Мы смеемся. Все понятно. В следующий раз учтем, что в тундре существуют не только обычные километры, но еще и олени.

Караван снова в пути. Мы уже несколько привыкли к «белому пятну». По виду горы угадываем, каков будет ее противоположный склон и можно ли по нему пройти.

Теперь знаем, где нужно спускаться в ущелье и как переходить реку. Съемочная группа с наступлением темноты внимательно прислушивается к сигнальным выстрелам и через час-два приходит к яркому костру лагеря.

5 августа, как обычно, я и Коля вышли вперед, не дожидаясь выхода каравана. Мы вчера не закончили съемки и поэтому разделились: я пошел обратно ее заканчивать, а Коля направился со съемкой вперед. Условились встретиться на следующей от лагеря речке.

Через час я был на месте окончания съемки вчерашнего дня. Мрачные, неприветливые ущелья. Каменными громадами горы склоняют небольшую речонку. Она мечется между ними и сердито бурлит, с трудом вырываясь из каменных объятий на простор живописной долины.

Часа через три возвращаюсь на место лагеря. Теперь нужно найти Колю и вместе с ним продолжать съемку «белого пятна».

Через два километра речка. Кричу. Ответа нет. Пошел дальше. Через километр еще речка, через две опять. Затем еще и еще. Речек оказалось так много, что я не знал, на которой из них искать Колю.

«Белое пятно» коварно ставит головоломки.

Каркаюясь по каменным осыпям, перекоху бесчисленные перевалы и беспрестанно поглядываю в сизую даль. Ничего живого. Сквозь синеватый дымок мглы видны только расплывчатые очертания каменных перевалов и горных вершин. Камень, камень и камень... Впереди скалами ощерилась одинокая крутая вершина. Ухожу вправо, чтобы вырваться из этого каменного мешка.

Час пути, и я по обширному, почти горизонтальному плато обхожу высокую скалистую вершину. Плато кончается. Крутой спуск ведет к шумящей внизу реке. Долина ее покрыта густым таежным лесом. Река бурно катит свои волны сквозь лесную чащу и груды камней. В одном месте зеленые сланцы уходят своими наклонными плоскостями в воду и придают ей какую-то фейерично-зеленую окраску. Картина эффектная.

Наискось пересекаю долину реки и начинаю взбираться на скалистые склоны следующего увала. Без особой надежды на ответ кричу.

Ура!.. Как будто отклик?.. Еще кричу. Ветер принес голос, но настолько слабый, что трудно разобрать: эхо это или ответ. Комбинирую крики и убеждаюсь, что это не эхо. Коля найден!

Но что это? Несколько голосов. Караван. Наконец, слышу: «Кто кричит?..» Быстро спускаюсь по каменной осыпи и к своему удивлению догоняю караван. Оказывается, он тоже не встретил Колю. Где же теперь его искать? Кругом на сотни километров нет жилья. Где-то в 60 км должен быть чум, но найти его, вероятно, также трудно, как сухарь, заброшенный вон в те скалы.

Начинаем спускаться в долину реки. Долго ищем место для спуска, но пологого склона найти не можем. Ниже спуск оказался еще круче. Камни летят из-под ног людей и лошадей. Крепко держка лошадей под уздцы и плечами поддерживаю вышки, спускаемся к реке...

На берегу ярко горит костер. Рядом Коля расположился на ночной привал и даже устроил себе из мха постель. Место оказалось подходящим для лагеря, остановились на ночевку.

Утром вышли вместе с караваном. Но он вскоре скрылся за ближайшей грядой холмов, а мы продолжали съемку, переходя от увала к увалу.

Моховая тундра. Ноги по колено тонут в пучистом мху, каждый шаг дается с трудом. Путь изнурительный. К тому же Коля, поскользнувшись на переправе, ушиб ногу. Идем медленно.

Прошли небольшой перелесок и вышли на берег другого обрыва. Под ногами красно-зеленая окраинная скала реки. Ходя по речке вброд изрядно вымокли и на другом берегу остановились на ночлег.

Скоро запылал костер. На ужин разделились последний сухарь. С особым вниманием вслушиваемся в ночную тишину... Ни звука. Изредка тревожно похрустывают ветви в лесу. Утром подкрепились голубикой и тронулись в путь.

Проходим небольшой перелесок. Царит мертвая, таежная тишина... Вдруг неожиданно впереди резко раздается звук ломающихся сучьев, и навстречу нам выходит бурый медведь. Он несколько секунд изумленно смотрит на нас, потом бросается в чащу.

На скалах красивой горной реки Балбан-Ю закончили съемку. Задумчивые ели смотрят с высоты скал на берег реки. Сверху виден каждый камень дна. Вода зеленоватая, какого-то изумительного оттенка. Но нас интересует не это. Внизу под ногами в реке плещутся утки. Ружья нет. Попробовали побить камнем, но только испугали их. Утки выплыли на быструю струю и понеслись через порог.

Пошли дальше. Сегодня особенно показался изнурительным путь по моховой тундре. Решили подняться на горные пастища, где можно встретить оленье стадо. По пути собирали грибы, чтобы вечером хоть что-нибудь иметь на ужин. На привале долго рассматривали карту, определяя, куда мог пройти караван. До ближайшего населенного пункта (Сараппау) километров 180—200. Будем пробираться туда, если не найдем караван или чум оленеводов.

В горы уходит беслесная долина речушки. Заглянули в нее. В верховьях долины внимательно рассматриваем след раздвоенного копыта. Еще и еще... Ползаем по земле, исследуя следы. По свежести следов и сорваных кустов тундровой берески определили, что олени прошли здесь четыре—пять дней назад.

Следы ведут на перевал. Разыскивая их, медленно продвигаемся вперед. Перевал. Крутой спуск вниз, а за речкой олены следы снова повели на следующий перевал. Иногда следы теряются, но мы недвигаемся дальше, пока их не находим.

С вершины перевала увидели серое пятно среди зелени горной тундры. Пристально рассматриваем в бинокль, не оленье ли стадо?.. Нет, — неподвижная каменная осыпь...

Еще перевал. Внизу снова сереет пятно. Опять камни, проносится в мыслях. Всматриваемся... «Каменная осыпь» всей массой медленно-медленно передвигается по долине.

— Ура! Олени! — мы направились к стаду.

Поздно ночью были в чуме и преаппетитно затягивались махоркой, особенно приятной после затхлого дыма мха. Колхозники-оленеводы встретили нас радушно.

Хозяин чума — главный пастух колхозного стада — коми Ефим Вокуев. Он только в прошлом году демобилизован из Красной армии. Вместо костища стоит небольшая железная печка. Освещает чум керосиновая лампа. На стенах висят портреты воинов и стенгазета.

На другой день мы разделились. Коля пошел на запад осмотреть место, где колхозники нашли кристаллы хрусталя, надеясь, кстати, найти там караван. Я отправился на реку Селемь-Ю в чум совхозного стада, куда мог пройти караван.

Спускаюсь по реке Хаталамба. Долина узкая, мрачная. Высокие горы с обеих сторон подступили к реке и бросают свои каменные осыпи прямо в воду. Через несколько километров впереди показался лес. Лиственицы громоздятся на маленьких клонах земли, среди утесов. Лес приступом берет горы. Передовые отряды низкорослых деревьев лепятся по скалам, но не решаются переступить «роковую» границу лесной растительности.

Я остановился закурить. Вдали слышны глухие раскаты, похожие на выстрелы. Все ближе и ближе. Идет гроза...

Почти бегом добираюсь до леса. Гроза догоняет. Первые крупные капли падают, когда я уже выбрал место для ночлега на берегу бурно ревущей Хаталамбы.

Быстро собираю занес дров, развозжу небольшой костер и устраиваю импровизи-

рованную палатку из плаща. Кругом темно. Гулко раздаются раскаты грома.

В моей «палатке» довольно уютно. Ветви лиственница защищают от бокового дождя. Весело потрескивает костер.

Кругом бушует. Громовые раскаты, рев реки, треск ломающихся деревьев, барабанящий по плащу дождь — все смешалось вместе.

Тусклый свет костра время от времени перемежается ослепительными вспышками молнии. После каждой вспышки удар грома с рокотом перекатывается по ущелью.

Утром я перешел бурный Кожим и начал подниматься по долине Селемь-Ю («Селемь» — сердце, «Ю» — река). Впереди вырисовывается вершина, похожая на каменное сердце. На горных склонах зеленые поля альпийских лугов, а на них черными точками двигаются олени. Вот и чум. Откладывая берестянную покрышку, заменяющую дверь, и входя. Несколько пар удивленных глаз.

— Опасно ходить в горах, — говорит технорук стада Канев. — В июле здесь погиб ветеринар, во время тумана заблудился в горах и замерз...

Пастухи вносят освежеванного оленя. Придвигают низенький столик, и хозяйка ставит на него большую чашку со свежими покосами и сердцем, залитыми теплой еще кровью. Это деликатес.

— Садись! Проголодался в дороге-то! — Приглашают так радушно, что нет возможности отказаться. Вокруг стола на корточках расселись пастухи.

— Раньше кулахи имели большие стада, рассказывает Канев, — по две-три тысячи голов. А теперь тут колхозные стада пасутся...

День тянулся утомительно долго. Свистел ветер, пронизывая слабое покрытие чума. В отверстие для выхода дыма лил дождь. Все население чума стояло вокруг костра:

Неожиданно для всех в чум вошел второй гость. Это был Коля. Он тоже не нашел следов каравана и напал на чум.

Утром в чум за оленем пришли коми, рабочие одного из отрядов экспедиции Арктического института.

— А вас давно ребята ищут, — сказали рабочие, увидев нас. — Они стоят лагерем около нашего отряда.

Поднялись по шору (ручью) до самых его истоков. Затем забрались на перевал. С перевала внизу в долине увидели палатки. По берегам долины темнели правильные черные прямоугольники, как гряды.

Спустились в долину. «Гряды» оказались разработками пьезо-кварца — редкого минерала, применяемого в радиотехнике. Около палатки искарятся большие кристаллы хрусталя. Из палатки вышел обросший бородой геолог, который не без удивления встретил нас. Показали ему образцы хрусталя, найденные колхозниками.

— Надо будет направить туда рабочих, — осмотрев образцы, проговорил геолог.

Мы пошли дальше к базе Арктического института.

С перевала в глубокой, узкой долине реки одиночно белеет свежими бревнами небольшой домик. Это и есть база. Суранг — «Река в каменной дыре» называется место, где она стоит. Название подходящее.

Необычно было встретить деревянный дом, ведь больше месяца мы не встречали ничего, кроме чумов.

Через полчаса уже сидели за столом, слушали патефон и оживленно беседовали с начальником экспедиции. Все это было так неожиданно и непривычно...

На другой день вдали показался знакомый караван. Бежим навстречу. С радостным лаем бросается Мильтон. Через минуту крепко жмем руки товарищей. Десять дней прошло, как мы расстались.

— Съемка «белого пятна» закончена, — рапортует начальнику.

— Прекрасно! — отвечает Филипп. — Завтра выходим к высочайшим горам Урала. Осмотрите лошадей и вышки, чтобы все было в порядке.

(Окончание см. в след. номере)

В БАКУРИАНИ

Фото А. Буйнова

В Бакуриани — одном из красивейших мест Закавказья — с 19 февраля по 4 марта с. г. были проведены занятия в школе ВЦСПС по подготовке инструкторов лыжного альпинизма. Школой руководил заслуженный мастер альпинизма В. Абалаков. Инструкторами были тт. Васильев Е., Шиянов Ю., Демидов А. и Регель А.

Эту школу окончило 25 чел., в основном москвичи. Остальные горные секции профсоюзов были представлены тремя тбилисцами и одним тульчанином.

Мы помещаем фото нашего фотокорреспондента А. Буйнова, показывающие работу школы ВЦСПС в Бакуриани.

На фото: слушатели школы в учебном походе (наверху); инструктор школы т. Васильев демонстрирует прыжок на лыжах (внизу справа); начальник школы т. Абалаков (слева) и инструктор школы т. Регель.

ПО ВОДНЫМ ПУТЬЯМ

Статья Н. Покровского

Воспользовавшись материалами консультации ТЭУ ВЦСПС по самодеятельному туризму, Центральная водная секция подвела некоторые итоги сезона 1936 г. московских туристов водников.

Всего за лето консультацией было оформлено (выдачей маршрутных книжек) 117 самодеятельных водных путешествий с общим количеством участников в 569 чел. (сюда не вошли оперативные маршруты, водные лагеря и базы). По сравнению с прошлыми годами это дает рост по отношению к 1934 г. — на 100 проц., по отношению к 1935 г. — на 63 проц.

Фактически самодеятельных групп водников значительно больше. Обстановка консультации ТЭУ, существовавшая летом прошлого года, была далеко не удовлетворительна: небольшая душная комната, до отказа набитая народом, негде присесть, посмотреть карту, заполнить маршрутный листок. К консультантам — очередь, в которой надо простоять полтора-два часа. Мудрено ли, что многих туристов, не нуждающихся в консультации, это отпугивало, и они предпочитали не терять времени и не регистрировали своих путешествий, тем более, что при отсутствии прокатных фондов турснаряжения, материально они заинтересованы в этом не были.

Средний и Южный Урал с его чудесной природой, исключительной живописностью и неограниченными возможностями построения самых разнообразных водных маршрутов становится излюбленным районом лодочных путешествий. На долю Урала приходится 40 проц. всех групп. Имея, конечно, значение для популяризации этих районов изданные в прошлом году брошюры с описанием интереснейших для туристов рек Урала (серия «турист-водник»). Из других рек попрежнему внимание туристов привлекает Волга (19 групп). С ней начинает, однако, конкурировать Ветлуга, до 1935 г. почти незнакомая нашим туристам.

Занялся секцию и вопрос о социальном составе участников путешествия. Более половины из них (54 проц.) являются учащимися вузов и втузов. Следующие по удельному весу группы — это инженерно-технические работники — 15 проц. и научные работники — 11 проц., рабочих только 6 проц., служащих — 7 проц. Это свидетельствует о том, что с ликвидацией ячеек ОГПТЭ пропагандистская работа по туризму на предприятиях и в учреждениях не ведется. Напомним, что в 1935 г. только один поход по р. Ветлуге, организованный бауманским райсоветом ОГПТЭ гор. Москвы, охватил около 60 рабочих.

Особо надо отметить проведенную в 1936 г. работу по разведке новых маршрутов. В течение почти двух месяцев туристы с неослабевающим интересом еженедельно слушали доклады товарищей, ходивших по новым, еще неосвоенным путям.

Работа по туристской паспортизации рек, начатая по инициативе водной секции при материальной поддержке быв. ЦС ОГПТЭ, а затем ТЭУ ВЦСПС, значительно развернулась в 1936 г. и охватила свыше 20 новых объектов (против 12 в 1935 г.).

Маршруты этого года отличались сложностью и охватывали самые отдаленные районы Советского Союза. Свыше половины их приходилось на реки Урала, Северной области и Карелии. Впервые была затронута паспортизацией Средняя Азия (Сыр-Дарья, озеро Иссык-Куль и река Чу) и Восточная Сибирь (Байкал, верховье Лены). Пройден ряд рек Украины, о пригодности которых для туристских путешествий никаких сведений раньше не имелось.

В результате получен богатейший описательный материал, имеющий значение как для организации оперативных и полуоперативных маршрутов ТЭУ, так и для консультационной работы.

На основании полученных материалов ТЭУ организует ТЭУ уже с 1937 г. организацию водных лагерей

и баз на южно-уральских озерах (обследованы группой В. Д. Удинцева) и на юго-западном берегу озера Байкал (обследованы группой К. П. Жолковского), а также серьезно заняться оперативным освоением рек Южного Урала (Белая, Уфа, Ай, Миасс, Юрезань, Чусовая).

Водные путешествия 1936 г. вследствие исключительной засухи почти повсеместно проходили в весьма тяжелых условиях: такой спад воды наблюдался только лет 70-80 назад. На севере туристы встретили громадные заторы осевшего на перекатах леса, которым реки были забиты на десятки километров. В верховьях р. Б. Инзер группа В. Э. Штубер, следя по почти

и о том, насколько овладели туристы нужной техникой, как воспитывалось в них упорство и воля в борьбе за достижение поставленной цели.

Это же подтверждает и то, насколько права была водная секция, уделив максимум внимания тщательному подбору участников и организации путешествий.

Много изобретательности проявили водники в области туристского снаряжения. Группа С. Н. Болдырева, предвидя, что найти лодку на Сыр-Дарье будет затруднительно, заранее в Москве сконструировала и изготовила складную лодку¹ из фанеры, на которой и провела благополучно все путешествие.

Редкая группа, особенно из проводивших паспортизацию, не уделяла внимания общественно-полезной работе и не стремилась оказать какую-либо помощь местному населению. Некоторые товарищи проводили беседы на самые актуальные темы: тов. Антонов — с рыбаками на оз. Иссык-Куль о контрреволюционном троцкистско-зиновьевском процессе, тов. Жолковский — на эту же тему с бурятами в д. Бугульдейка, тов. Деребезов — о строительстве московского метро и др. Группа тов. Лысогорского во время вынужденной остановки составила план электрификации Пельмского сельсовета, переданный впоследствии в Москве соответствующим организациям. Группа тов. Болдырева во время бури на р. Сыр-Дарье спасла двух тонувших узбеков, лодка которых была перевернута волнами.

Походные аптечки, бывшие в многих случаях, позволяли во многих случаях оказывать первую неотложную медицинскую помощь.

В местных профсоюзных, краеведческих и научных организациях водники (Удинцев, Жолковский и др.) делали доклады о результатах своих путешествий и вели пропаганду за туризм среди широких масс трудящихся. Тов. Удинцев установил теснейшую связь с отдельными лицами и учреждениями, обязавшимися оказывать всяческую помощь нашим туристам в их путешествиях по Уралу.

Приведенные факты отнюдь не исчерпывают всей проделанной работы, но они ярко свидетельствуют о том, что наши туристы не просто наблюдатели, ищащие красивых видов или сильных ощущений. Всегда и везде они остаются гражданами любимой социалистической родины, общественниками, готовыми в любой момент принести помочь своими знаниями и опытом.

¹ Описание изготовления лодки будет помещено в № 6 нашего журнала

пересохшему руслу, загроможденному камнями и утесами, проходила неделями по 2-3 км в день, пока, наконец, не выбралась на проходимые для байдарки плесы. В группе Ю. Д. Лысогорского, путешествовавшей по совершению неизученным и почти не населенным районам Северного Урала, в самом начале маршрута один за другим выбыли из строя два заболевших участника. Оставшиеся два товарища, несмотря на все трудности, все же продолжали маршрут и выполнили задание. Они на одноместной лодченке поднялись вверх по р. Пельму и преодолели 50-километровый волок на р. Лозью по девственной болотистой тайге с картой, которая совершенно расходилась с действительностью.

Многие из проделанных маршрутов были весьма серьезны и опасны (озеро Байкал, озеро Иссык-Куль, река Чу, река Водла и др.). От товарищей требовалась повседневная выдержка и настойчивость, та настойчивость, которой нас учит большевистская партия.

Никто из участников путешествий не пострадал, все вернулись в Москву здоровыми. Это говорит о подготовленности и возросшей квалификации наших водников

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

На присыпаемых в редакцию рукописях и фото нужно обязательно указывать фамилию, имя, отчество (полностью) и точный домашний адрес автора. Рукописи должны быть перепечатаны на машинке через два интервала или четко переписаны от руки.

Рукописи, написанные карандашом или красными чернилами, не принимаются.

РЕДАКЦИЯ.

Река Чусовая за последнее время заслуженно пользуется большой популярностью, как красивейшая и интереснейшая река Урала. Каждое лето сотни туристов со всего Союза совершают по ней путешествия. За лето 1936 г. по Чусовой проплыло 934 туриста. Обычно свое путешествие туристы начинают от Кауровки и заканчивают его на Каме в Перми. В Кауровке имеется турбаза. В Кауровке можно купить лодку на 3—4 чел.

exje
«УРАЛ»

ОТКРЫТАЯ БИБЛИОТЕКА

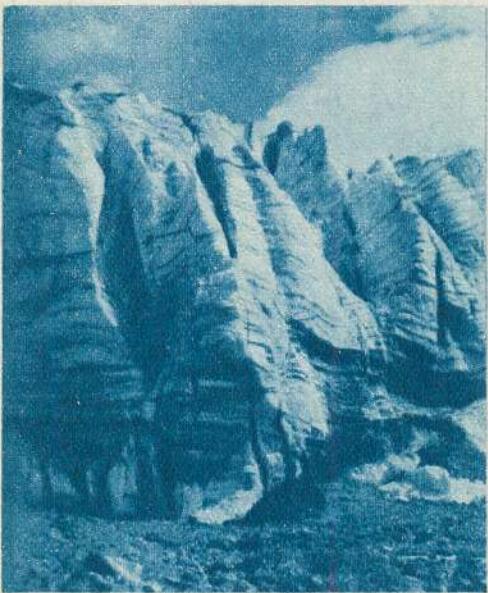
На фото: туристы близ „Георгиевских камней“ (Чусовая). Фото М. Еркова

МАРШРУТЫ К ЛЕТУ

АЛМААТИНСКАЯ „КРУГОСВЕТКА“

До сих пор по малоизвестному маршруту Алмаатинской «кругосветки» прошли лишь две группы, но он заслуживает того, чтобы его освоили сотни групп туристов и альпинистов.

Маршрут начинается в городе Алма-Ата. Отсюда 18 км на машине до турбазы Горельник, затем подъем на Талгарский перевал (3 200 м), где имеется туристский лагерь.

Стена ледника Северцева на Талгаре
Фото В. Горбунова

С Талгарского перевала можно совершить подъем на ледник Богдановича и Комсомольский пик. После этого следует обойти массив Комсомольского пика с севера. Глубоко внизу открывается лесистая долина левого Талгара с отвесными скалами и ледниками. Спуск в долину не труден. Он приводит к самой реке, окруженней темно-зелеными тянь-шаньскими елями. Дальнейший путь все время идет по девственному лесу, где очень много груздей. Весь маршрут можно проделать верхом или с выночными лошадьми.

В некоторых местах тропа идет через огромные выносы весенних ручьев, в других, обходя осыпи, поднимается на склон. Затем

выходит на солнечную поляну, где река спокойно разливается по ровной долине. Здесь удобно разбить лагерь: лес, вода, защитой от ветра со стороны ледника служит огромный вал древней морены.

За моренным валом находится обширная круглая долина — Солнечный стадион, где река разбивается на рукава. Отсюда видны вершины. С юга долина также загорожена от ветров древней мореной.

Но самым лучшим местом для лагеря является следующая долина — Когашик. Она непосредственно примыкает к ледникам; здесь прекрасный корм для лошадей, много арчевника (кустарник-можжевельник) для костров, близко вода, близко ледники. Здесь лучшее место для лагерей по подготовке инструкторов-альпинистов.

В 2-3 км на юг возвышается пик Конституции (4 600 м), с него сползают ледники. В долине свыше 40 ледников, наибольший из них — ледник Дмитриева — расположен в среднем истоке.

В окружающих хребтах и отрогах больше 20 вершин от 4 300 до 4 600 м, на которые еще не было совершено восхождений.

Дальше маршрут идет по реке Туристов через ледник на перевал Туристов (4 100 м). Перевал проходим для лошадей. По пути хорошо виден отрог СГУ, ограничивающий долину Туристов с юга; он имеет две вершины высотой 4 300—4 400 м; на них тоже не было совершено восхождений.

Спуск в долину реки Большой Алмаатинки не труден, хотя он вначале идет по крутым склонам ледника. Затем нужно пройти по альпийским лугам, мимо ледников и еще ниже — лесом. Путь приводит к зеленому Алмаатинскому озеру, из которого вытекает большой поток, падающий каскадами на протяжении 1,5-2 км.

От нижней части водопада идет автомобильная дорога к городу, до которого 28 км. У озера строится гидростанция. От озера можно подняться на перевал Джусаян-Кезель (3 500 м) и затем совершить восхождение на Бол.-Алмаатинский пик (3 800 м). Спуск — в проходное ущелье к курорту Алма-Арасан.

На курорте можно прожить несколько дней, принять горячие серные ванны. Здесь есть спортивные площадки, читальня, библиотека. Окрестности курорта очень красивы. От Алма-Арасана до города 24 км; ежедневно ходят автомобили.

Продолжительность путешествия по кругосветке — от 5 до 15 дней. В текущем году на маршруте строятся базы.

В. Горбунов

ПО ЮГО-ОСЕТИИ

Юго-Осетия расположена на склонах Главного Кавказского хребта. Четыре пятых занимают горы, остальная часть представляет холмистую равнину территории Юго-Осетии.

В Юго-Осетии находятся девять перевальных выночных троп через Кавказский хребет: Казы-Хох (2 316 м), Згиль (3 416 м), Дзедо (2 963 м), Зикара (3 188 м), Бах-Фандах (Дзома — 2 910 м), Кутх (Маг — 2 644 м), Рок (2 880 м), Сба (2 873 м) и Кадласан (Урустам-тедек — 3 400 м).

Туристам рекомендуем переходить через перевалы Дзедо, Зикара, Кутх и Рок. Все перевальные переходы начинаются от сел. Зарамаг на Военно-осетинской дороге и сворачивают в ущелье реки Закки.

Чтобы перейти через Дзедо, нужно направиться до сел. Нар, потом свернуть на юго-запад, пройти по ущелью р. Эргу, минуя сел. Барахти-Кау. Перевальная тропа спускается к селениям Лета и Кевселя. Дальше путь продолжается по р. Джоджоре и Громуле, затем сворачивает к озеру Эрцо и переходит реку Пацу. Мимо сел. Кемульта туристы спускаются до самого Сталинира.

Сталинир. Новое здание алтени

Подступы к перевалу Зикара ведут по ущелью реки Гинат (Джинат-кох). Перевальная тропа с северной стороны повышается постепенно, а к югу спускается крутыми зигзагами по ущелью р. Кешельта. От сел. Додонаста дорога ведет сначала по р. Кешельта, а затем по Паце и Б. Лиахве до Сталинира. Другой вариант пути ведет на сел. Раро в сел. Джаву.

Подъем на Рокский перевал начинается от сел. Кесаты-Кау, расположенного в ущелье р. Закка. Перевальная тропа круто спускается к сел. В. Рок. От В. Рока шоссейная дорога проложена по ущелью Б. Лиахвы до сел. Джавы.

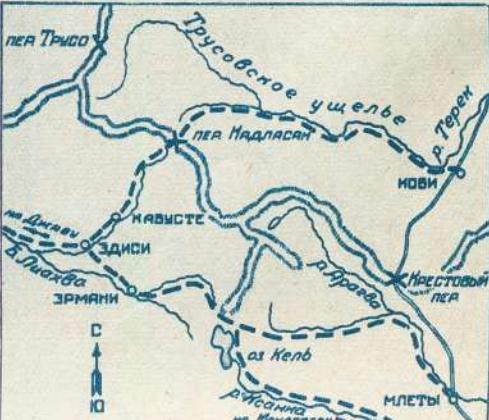
С Военно-грузинской дороги в Юго-Осетию можно попасть следующим путем: по Трусовскому ущелью от Коби — через перевал Кадласан (Урустам-тедек) и мимо

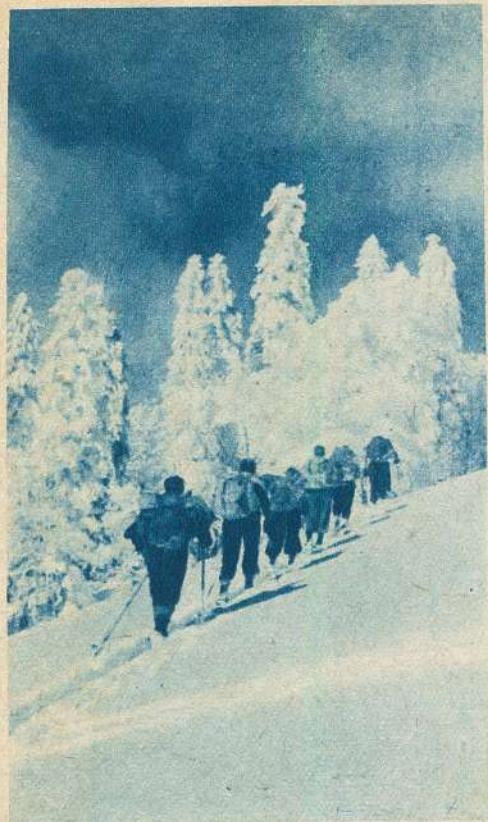

селений Кабустен, Эдиси на Джаву и Сталинир. Есть другой путь от сел. Млеты к высокогорному озеру Кель, лежащему на высоте 2 875 м, и дальше либо в селения Эрмани, Эдиси в Джаву и Сталинир, либо по верхнему течению р. Ксанки (Ксаны) на сел. Монастыри, в районный центр Ленингори до железной дороги в Каспи.

От Сталинира туристы могут доехать на автомобиле до родины великого вождя Сталина — города Гори, лежащего на ж.-д. магистрали Батуми — Баку.

Г. Санакоев

В походе

Фото Л. Сухова

С 20 января по 7 февраля с. г. московское спортивное общество «Наука» провело лыжный поход в горы в районе Гагр. В нем участвовало 8 чел.

В 14 км от солнечных гор Гагр на высоте 1 600 м расположена гидрометеорологическая станция. Она и была опорной базой похода. Отсюда лыжники совершили два похода: один в район горы Арабик и другой на вершину Мамзышки.

Чудесно здесь зимой! Крутые склоны гор, лес, яркое солнце, обилие снега — все эти моменты делают район Гагр, пожалуй, лучшим местом в Союзе по развитию здесь горно-лыжного спорта.

К сожалению, этот район зимой слабо посещается нашими туристами из-за отсутствия там баз. До самого последнего времени Гагринский район спортивными и туристическими организациями недооценивается. Между тем здесь можно и необходимо создать центр горно-лыжного спорта.

Мы помещаем снимки нашего фотокорреспондента Л. Сухова, участника похода общества «Наука».

На фото: группа приближается к сказочно убранным лесам (сверху слева); завтрак у гидрометеорологической станции; отдых в лесу; лыжники возвращались в Гагры (сверху вниз)

Нил

Нил, третья по длине река земного шара после Миссисипи с Миссури и Амазонки, рождается на востоке экваториальной Африки в гористой местности, называемой областью Великих озер. Здесь находится «внутреннее море» Африки — огромное пресноводное озеро Виктория-Ньянца, на тысячу квадратных километров превосходящее наше соленое Аральское море и занимающее площадь в 66 500 кв. км. Оно соединяется с озерами Киджко и Куания, а через них — с озером Альберт-Ньянца. Четыре эти озера с их многочисленными притоками создают реку Нил.

Условно истоком Нила считают, однако, небольшую речку Кагеру, впадающую с запада в озеро Виктория-Ньянца.

Рождаясь из Великих озер, Нил несет свои воды вплоть до Средиземного моря. Этот путь составляет 5 760 километров! Незначительной кажется в сравнении с ним наша Волга, пробегающая 3 392 км, и уступает ему даже величайшая река СССР могучая Обь, имеющая длину 5 200 км.

Гористая область истоков Нила и Великих озер носит название Уганды. Она находится под протекторатом Англии, так же как и остальные территории, охваченные течением Нила: Судан и Египет.

Уганда — красива, но славится не только своей красотой. Нет, кажется, во всей центральной Африке более плодородной почвы и более ровного климата, чем в Уганде.

Из Америки и из Европы приезжают сюда туристы. Они совершают свой путь через Занзибар с побережья Индийского океана. От порта Момбаза до озера Виктория-Ньянца мчат их поезда железной дороги, а по самому озеру — комфортабельные пароходы.

Гористые, изрезанные бухтами берега Виктория-Ньянцы поросли непролазным тропическим лесом; лишь местами они болотисты и низменны. Далеко выдаются вперед лесистые мысы. Куда ни взглянешь — всюду серебряная гладь воды.

В тростниковых зарослях прячутся крокодилы; на островах находят убежище бегемоты.

Медленно вытекает Нил из Виктория-Ньянцы. Однако, едва приняв облик реки, он достигает уже порога и ниспадает каскадом. В середине водопада возвышается группа скал, увенчанная несколькими деревьями, а ниже, среди пенящихся вод, рассеяны подводные камни. Это место жители Уганды называют Джиндо, а путешественник Спик назвал его «водопадами Рипона».

Между озерами Киодко и Альбера находится главный спуск Нила из области высоких плоскогорий. Судоходство здесь невозможно. Даже опытный турист-байдарочник не рискнет тут спуститься по реке. Вода стремительно брошет с одного берега на другой, увлекая за собой скалы, рас-

Реки мира

сыпается в воздухе брызгами и ниспадает на прибрежные деревья живительным дождем.

Но вот, наконец, темные воды Нила вливается в голубую гладь озера Альбера, но долго еще сохраняют свой своеобразный темный оттенок.

По холмам на берегах верхнего Нила разбросаны нищенские деревушки негров. Близ деревушек — небольшие поля, возделанные на землях, выращенных у тропической чаши. В лесах — сырья темы. Лишь кое-где прорывается с высоты сквозь толщу зеленой преграды золотистый луч солнца.

У реки — стада коров и овец. Вот на воде показалась небольшая туземная лодка. Она приближается и можно уже различить странного четвероногого пассажира. Это — корова; пастух перевозит ее с одного берега на другой: самой не справиться с бешеным течением.

* * *

Белый человек появился в Уганде в 1863 г., когда англичанин Спик и Грант открыли Нильские озера. В 1876 г. путешественник Стенли нашел реки, впадающие в озеро Виктория-Ньянца, а в 1893 г. — наиболее значительную из этих рек Кагеру исследовал знаменитый путешественник Оскар Бауман. Так был открыт исток Нила.

Вслед за появлением первых путешественников, в эти места устремился поток английских колонизаторов. Они стали наиболее опасными хищниками Уганды и Судана. В погоне за крупной наживой в виде слоновой кости, кофе, какао и многое другое эти «цивилизаторы» использовали все средства. Знаменитый путешественник Стенли из каждого путешествия в глубь страны должен

был возвращаться с договорами. По этим договорам, заключенным нередко за связку бус, Англия получила права на эксплуатацию огромных территорий.

Исключительно благоприятные природные условия позволили англичанам развести здесь, а особенно ниже по течению Нила — в Египте, крупные плантации с лучшим в мире длинноволокнистым «египетским» хлопком. На этих плантациях в непосильной и изнурительной работе широко эксплуатируется труд негров. Туземному населению едва удается занять под хлеб не большие клочки земли.

Негры-бедняки находятся под двойным прессом — помимо европейцев из них выжимают последние соки «свои же зажиточные князья и землевладельцы. Приход европейцев резко усилил классовое раслоение негритянской деревни.

Нил покидает Уганду к северу от озера Альбера. Усмирив свой бешеный бег, он неспеша разливается между зеленеющими берегами. Его ширина здесь составляет от 500 до 2 000 м.

На двести километров вниз от озера по реке ходят небольшие, мелко сидящие пароходы, ловко лавируя между лесистыми мысами и островами.

За местечком Монгалла начинается царство болот. Река разбивается на многочисленные рукава; кудатолькохватает взор — всюду видны лишь необъятные болота, самые большие в мире, тянущиеся вдоль Нила на 600 км. На реку надвигаются с двух сторон заросли слоновой травы и папируса, уже исчезнувшего в низовьях Нила, в Египте. Плавущая трава и болотные растения нередко забивают русло. Тогда река, устремляясь вперед, отскивает себе новый путь.

С № 3 редакция начала помещать серию очерков о главнейших реках мира.

Парусные суда в Египте у Луксора

¹ Саваннами называются обширные пространства в тропическом пояссе, покрытые травяной растительностью с редко разбросанными деревьями и кустарниками.

придает ему сходство с китом, за что и прозвали его китоглав. Неподалеку от берега бродят стада диких слонов; в чащах скрываются носороги. Бесшумно подстерегает добычу пантера. Водяные козлы ранним утром пасутся у воды, покинув папирусовые джунгли, куда не пробраться ни человеку, ни льву. Мелькнув, исчезает в кустах робкая газель.

В сумерки неожиданно появляются длинные крокодилы, уничтожающие скот и людей. Огромные бегемоты безмятежно гримеются под тропическими лучами, выставив из воды неуклюзые головы и спины... Негритянские лодки бесстрашно лавируют среди этих гигантских, но безобидных животных.

Страшно человеку в тропическом лесу... Обычно туристы редко попадают сюда, предпочитая путешествовать по нижнему спокойному течению Нила. Зато здесь нередки кино-экспедиции, снимающие фильмы из жизни диких зверей, и экспедиции по ловле зверей для зоологических садов. Несколько лет назад кинооператоры, посланные известной звероловной фирмой Гагенбек, с риском для жизни запечатлели на пленку диких носорогов, разъяренно кинувшихся на киноаппарат. В 1927 г. экспедиция шведского зоолога Бенгста Берга сфотографировала аиста абу-маркуб. Поймать эту птицу не удалось. Ее можно увидеть живой только в зоологическом саду Каира.

* * *

Чем дальше к северу, тем пустыннее становятся берега Нила. Саванны переходят в тропическую степь. Исчезают деревья; одни только жалкие, высокие травы и кустарники еще сохранились в этом преддверье пустыни. Вот, наконец, город Хартум, крупный торговый центр, столица Англо-Египетского Судана, опора английского владычества в Восточной Африке. Отсюда начинаются две железнодорожные линии большого стратегического значения: в Каир и в Красное море, в порт Судан.

Хартум лежит у слияния Белого и Голубого Нила.

Истоки Голубого Нила находятся на Абиссинском плато. На высоте 2 800 м рождается он под названием Абаи, вливается в озеро Тан и вытекает с южной его стороны уже под собственным именем «Голубой Нил».

Голубой Нил многоводен. Его водяная масса в три раза превосходит воды Белого Нила; без него погиб бы среди песков, не добравшись до моря, Белый Нил.

Грозные пространства пустынь, несущие смерть всему живому, сопровождают течение Нила ниже Хартума: Нубийской и Аравийской — на востоке, Ливийской и Сахары — на западе. Сильно испаряются пески, а зулу подсохший цветок от терегам уцелевшая

Набережная Нила в Ассуане

Ниже притока Атбара Нил пересекает невысокое нагорье Ливийской пустыни. Начинаются пороги. На протяжении 1 800 км, вплоть до г. Ассуана, судоходство уже невозможно.

Только от Ассуана возможно пароходное движение. Резко меняется облик прибрежных районов. Культивирован каждый клочок земли. Всюду — плантации хлопчатника, риса, сахарного тростника, пшеницы, маиса, клевера, сорго.

Это — Египет, страна, которую греческий историк Геродот называл «подарком Нила».

И действительно Египет существует благодаря Нилу. Воды реки несут плодороднейший ил; отлагаясь в долине, ил превращает ее в богатейшую житницу. Недаром Египет был одним из древнейших очагов земледельческой культуры на земле. Однако здесь почти не бывает дождей, и земледелие было бы невозможно без искусственного орошения. Вот почему для всего народного хозяйства Египта имеют огромное значение разливы Нила. На-

блюдения за уровнем его вод ведут с древнейших времен. Водомер Ассуана имеет трехтысячелетнюю давность. По уровню Нила фараоны Египта определяли и качество урожая, и размеры налогов, выколачивавшихся с населения.

От времен фараонов до начала XIX века Египет не знал сооружений, которые обеспечили бы сохранение водных запасов в периоды между разливами. На полях применялось лиманное орошение: каждое поле окружал вал со специально устроенным для выпуска воды отверстием. Оно заваливалось после того, как вода заливалась поле. Это давало возможность снять за год один урожай.

Сооружение первых пильских плотин началось в 1837 г. Оно совершилось на средства английского капитала, стремившегося захватить власть над водами Нила, так как это был путь к закабалению всего Египта.

Сейчас в Египте имеется четыре основных плотины, а вся его территория покрыта сетью

оросительных каналов. В 1926 г. англичане закончили постройку Сеннарской плотины на Голубом Ниле, в 270 км вверх по течению от Хартума. Перехватывая плодоносные воды Голубого Нила на территории Судана, английский империализм обеспечил свое господство в Египте.

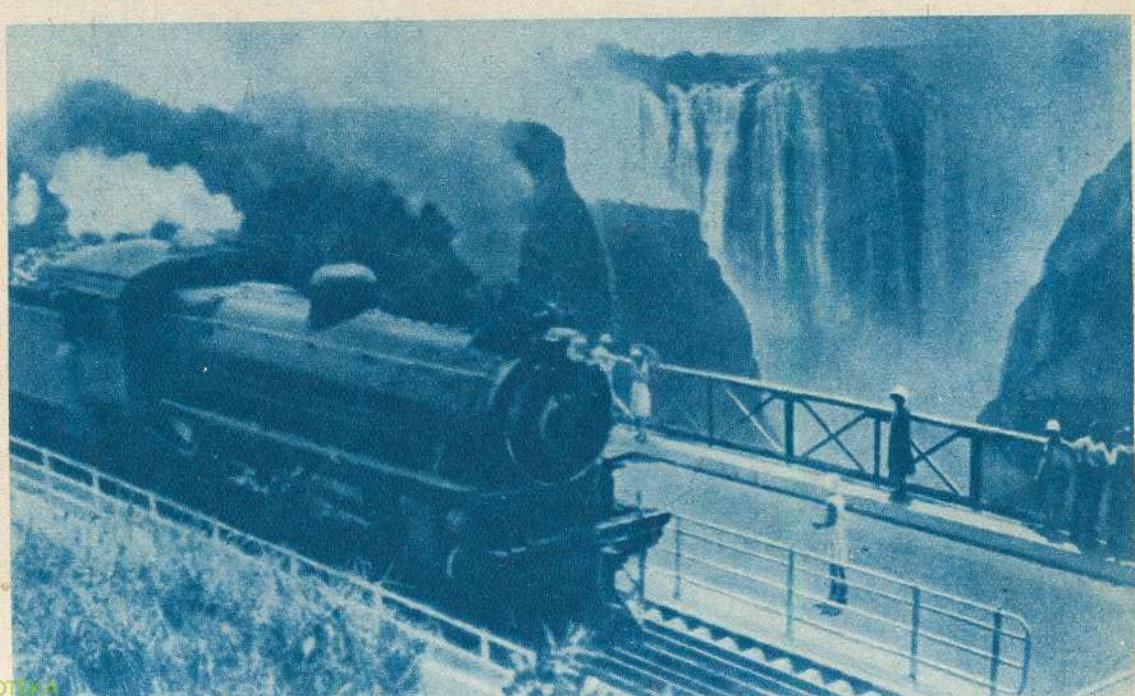
От Италии, захватившей Абиссинию, англичане потребовали неприкосновенности интересов Англии на озере Тана, из которого вытекает Голубой Нил. Без этого война между Англией и Италией была бы неизбежна. Особенно беспокоил англичан проект постройки одной американской фирмой, плотиши в верховьях Голубого Нила у озера Тана. Это значило бы, что вода будет перевалена еще до того, как она спустится к англичанам в Судан. Между империалистами продолжается ожесточенная борьба за воды Нила.

Голубой Нил — главная река Абиссинии. На ее берегах развернулась недавно волнующая борьба абиссинского народа за свою независимость.

* * *

Подавляющее большинство населения Египта сосредоточено в долине Нила. Из 13 миллионов его жителей лишь один миллион составляют кочевники-бедуины, рассеянные в глубинах пустынь. Культурная плешь Египта равна площади Бельгии, но плотность его населения вдвое превышает плотность населения Бельгии — самой уплотненной в Европе страны.

Заселение низовьев Нила относится ко временам, уходящим в глубокую древность. За много тысячелетий до нашей эры пышно расцвела здесь богатейшая египетская культура. Подъездная на пароходе к Каиру, туристы видят с реки па-

Водопад в районе озера Виктория-Ньянца

мятники древнего Египта — грандиозные массы гизехских пирамид и колоссального сфинкса.

Древнейший город Каир расположен на 19 км выше начала дельты Нила. В этот город стекаются туристы со всего мира. Они приезжают, главным образом, со Средиземного моря, через Александрию.

Приезжего поражает многоязычная речь и пестрота национальных типов. Поражает арабское средневековье с убогими глиняными лачугами, характерной путаницей кривых улиц, прихотливо изукрашенных мечетями. Поражает существование этого средневековья бок о бок с благоустроенным по последнему слову цивилизации европейскими кварталами. Поражает музей мирового значения — пирамида Хеопса высотою в 137 м и устремивший взоры в пустыню непроницаемый сфинкс.

В зимнее время Каир представляет собой прекрасный климатический курорт с теплым и здоровым воздухом.

Неторопливо течет у Каира многоводный Нил. Здесь его ширина колеблется от одного до двадцати километров. Мутные воды катят по дну массы оседающего ила, и поэтому непостоянны глубины реки. Илом забиты пять рукавов из семи, соединявших в древности реку с морем.

* * *

Грандиозная дельта Нила — одна из наибольших в мире. Ее ширина равна 270 км. В ее районе сосредоточено более половины всего населения Египта.

Двумя рукавами вливается Нил в Средиземное море. У впадения рукава Розетты стоит порт Александрия, у впадения Дамиетты — Порт-Саид. Эти два города связывают с мировыми морскими путями всю огромную территорию, тяготеющую к Нилу.

Буйволы и зебры на водопое

Наиболее интересна для туриста дельта Нила. От Порт-Саида начинается Суэцкий канал, соединяющий кратчайшим водным путем Европу с Азией.

Рукава реки мелководны: вода разбирается выше по каналам для орошения. Поэтому грузы из Каира идут к морю не по реке, а по железной дороге.

Выехав из Каира, туристы встречают множество различных судов. Чаще всего это небольшие парусные барки с высокими мачтами. Египетские моряки с удивительной ловкостью проводят их между камнями, ведут против течения даже при мало благоприятном ветре, причаливают прямо к берегу (пристаней здесь почти нет).

Специальные колесные пароходы предназначены для туристов. Вот, например, типичный трехпалубный пароход «Виктория». Первая палуба занята столовой на 72 места и служебными помещениями. На второй палубе размещаются каюты на 42 пассажира и курительный

салон. На третьей палубе — каюты на 30 пассажиров, а в носовой части — площадка для прогулок. Каюты различны: одноместные, двухместные, есть и «люкс» с отдельными ваннами. Поездка от Каира до Асуана и обратно на таком пароходе, с остановками для осмотра достопримечательностей, продолжается двадцать дней.

Условия, путешествий различные в зависимости от состоятельности. Богачи получают обстановку изысканного комфорта. Трудовой интеллигентии представляются едва сносные условия.

Потоки туристов устремляются в Египет зимой, и в декабре нижнее течение Нила наводняют их пестрые толпы.

Как непохож этот широкий водный путь на дикие непрступные закоулки верховий великой реки. Сколько противоположностей скрывает короткое глуховатое слово «Нил»!

Бор. Буханевич

С апреля 1937 г.
ВЫХОДЯТ НОВЫЕ
ЖУРНАЛЫ

Всесоюзного комитета
по делам физической культуры
и спорта при СНК

СССР

«ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬ-
ТУРЫ»

Отв. ред. Б. А. Кальпус

В программе журнала: Вопросы организационной и методической работы; обобщение научного опыта, пропаганда научных основ физической культуры и спорта, проблемы спортивной тренировки, новые методы исследования, вопросы повышения квалификации и подготовки кадров, консультация, критика и библиография.

Журнал рассчитан на инструкторов, педагогов, врачей, научных работников, физкультурный актив.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

9 мес. — 19 р. 80 к., 6 мес. — 13 р. 20 к., 3 мес. — 6 р. 60 к., 1 мес. — 2 р. 20 к.

«ГИМНАСТИКА»

Отв. ред. А. Д. Новиков

В программе журнала: организация методики гимнастической работы, частные вопросы методики и техники гимнастических упражнений, гимнастика в школе, вузах, Красной армии и самодеятельных кружках, проблема научно-исследовательской и врачебной работы по гимнастике, обмен опытом, гимнастика за рубежом, критика и библиография, гимнастика на местах.

Журнал рассчитан на кадры работников физкультуры, на мастеров гимнастики и физкультурный актив.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

9 мес. — 10 р. 80 к., 6 мес. — 7 р. 20 к., 3 мес. — 3 р. 60 к., 1 мес. — 1 р. 20 к.

«БЮЛЛЕТЕНЬ Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при Совнаркоме СССР»

Выходит с 1 января 1937 года
Отв. ред. В. К. Лапин

В «Бюллетене» помещаются постановления партии и правительства, касающиеся вопросов физической культуры и спорта, постановления, основные приказы, инструкции Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта при СНК СССР и положения о спортивных соревнованиях всесоюзного значения.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

12 мес. — 7 р. 20 к., 6 мес. — 3 р. 60 к., 3 мес. — 1 р. 80 к., 1 мес. — 60 к.

Подписка принимается всеми отделениями, киосками НОГИЗа и на почте

Практические советы

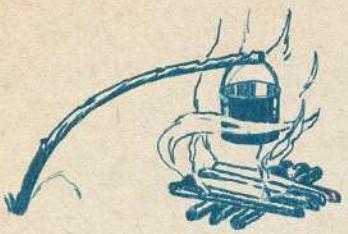

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

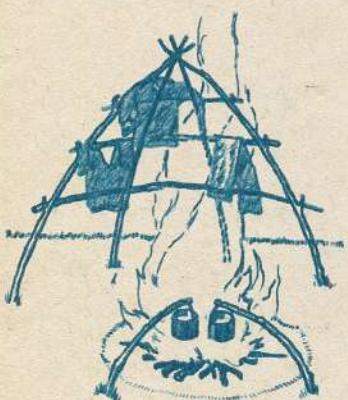

Рис. 4

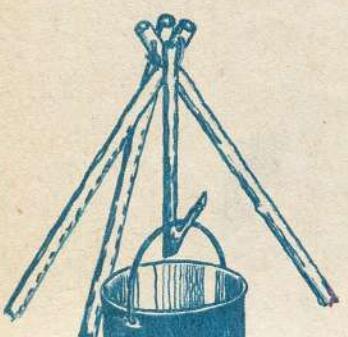

Рис. 5

**ОТКРЫТАЯ БИБЛИОТЕКА
«УРАЛ»**

о кострах

Наша экспедиция плыла на лодке по озеру Алтын-Куль. На берегу мы остановились на обед. Невдалеке почти одновременно с нами причалила группа теленгитов¹. Пока мы разводили огонь, подшивали котелки и мыли крупу, соседи успели сварить обед, а когда мы начали есть, они свернули свой лагерь; лодка их снова понеслась по озеру.

Я призадумался: в чем дело? Почему таежники так быстро разводят костры и варят пищу? Почему у нас в экспедиции столько драгоценного рабочего времени уходит на устройство бивуаков?

Через неделю мне пришлось ехать вдвоем с проводником-теленгитом через хребет Корбу. На первом же привале я стал за них наблюдать.

Расседлав коня, алтайец принялся за костер. Ножом он срубил кривую ветку с ближайшего кедра, заострил один ее конец, а на другом сделал зарубку. Затем встал лицом к костру, с силой вонзил острый конец ветки в грунт, покрутил немного, чтобы расширить отверстие, выдернул ветку и снова воткнул. Этот прием он повторил два-три раза, после чего ветка укрепилась такочно, что могла выдержать ведро с водой, повешенное на зарубку (рис. 1).

Все это заняло не более двух минут. А я, бывало, чтобы подвесить котелок, по получасу бегал по лесу, разыскивая рогульки, и топором вбивал их в землю; они часто раскалывались от ударов, и приходилось бегать за новыми (рис. 2).

Проводник отломил от кедра сухую ветку и настрогал ножом щепок. Они вспыхнули, как порох, несмотря на то, что недавно был дождь и спаужи дерево подмокло.

Очень важно уметь выбрать растопку для костра. Прекрасно загорается береста — она горит даже мокрая, если расслойть

¹ Одна из обротских национальностей.

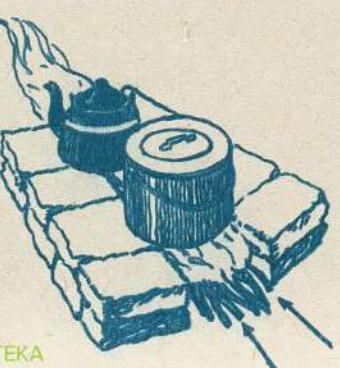

Рис. 6

ее на тонкие листки. В сухое время года для растопки удобно брать лишайник: его не надо ни резать, ни расщеплять, вспыхивает он от малейшей искры; но если он хоть чуть влажен, то гореть не будет. Удэгейцы для растопки режут сухой тальник, который настругивают ножом, не отделяя стружки от дерева. Это избавляет от необходимости собирать стружки (рис. 3). Сибирские охотники носят с собой для растопки черенковую серу. Она может гореть под любым дождем. Ничтожного количества ее достаточно, чтобы разжечь костер даже из мокрого хвороста.

Я продолжал свои наблюдения. Алтайец клал поленья тесно одно к другому, предварительно срубив с них мелкие веточки. Они дружно загорались и давали много жара.

На таком костре вода закипела раньше, чем я успел вымыть крупу. От костров же нашей экспедиции, похожих на сорочьи гнезда, было много дыма и мало тепла.

Когда каша закипела, я хотел снять котелок, чтобы каша не пригорела, но алтайец отстранил меня. Он приподнял таган и подсунул под него камень, отчего котелок поднялся выше над огнем.

Приготовление обеда заняло мало времени. Все кипело, бурлило, я едва успевал мешать кашу, крошить мясо и заваривать чай. Промокшая одежда мгновенно просыхала на особых стойках, которые теленгит установил около костра (рис. 4).

Не прошло и часа, как мы уже седдали коней.

Конечно, алтайский способ подвески котелков не единственный. Удэгейцы, которые путешествуют на лодках и останавливаются на галечных мысах, подвешивают котелки к треноге. Изготавливается она из трех палок около 1,5 м длиной и пальца в полтора толщины. В верхних концах палок прорезаются ножом отверстия, сквозь которые пропускается ременная петля. На этой же петле висит крючок, сделанный из сучка, на который подвешивается котелок (рис. 5). Конечно, такую треногу долго делать, но, однажды сделав, можно перевозить с собой на лодке. Она очень удобна также при длительном пребывании на одном месте. С помощью треноги прекрасно можно регулировать нагревание. Если раздвинуть ее ножки, котелок опускается низко над огнем, а если сдвинуть, то он поднимается.

В степной полосе приходится экономить топливо. Там выгоднее бывает построить очаг. Время, затраченное на это, окупится экономией времени на сборе топлива. Очаг делается из камней или дёрна

в виде двух низких выступов. Пространство между ними должно быть шире с наветренной стороны и уже с подветренной. Это нужно для того, чтобы лучше горел огонь. На выступы ставятся один за другим котелки и чайники, образуя крышу печи (рис. 6). Благодаря этому тепло костра почти целиком используется на нагревание котелков и чайников.

А. Пронин

В ПОМОЩЬ ВЕЛОСИПЕДИСТУ

Передняя втулка

Передняя втулка велосипеда состоит из корпуса, оси и правого и левого конусов. Корпус — это трубка, в концах которой запрессованы чашки, служащие для укладки в них шариков. На чашки посыпаны фланцы с отверстиями для спиц. В середине трубы ввинчена ма-сленка, через которую производится смазка.

Правый гладкий конус на-винчивается на ось до упора. Левый (регулировочный) конус снабжен двумя плоскостями для захвата его конусным ключом.

После того как колесо снято и отвернут левый конус, ось и шарики можно вынуть из втулки. Но правый конус счи-мат не следует.

Во избежание потери шариков при разборке втулки под нее нужно подстилать газету или тряпку.

Очищенные от старой смазки и грязи чашки следут густо смазать тавтом или вазелином. Шарики нужно положить по 9 шт. с каждой стороны; затем вставить ось с навинченным раньше правым конусом и на-винтить левый конус до та-кого положения, чтобы ось не качалась и вместе с тем колесо совершенно свободно вра-щалось вокруг оси.

Задняя втулка системы «ИДИ»

Наиболее распространенная втулка системы «ИДИ» (ставится в велосипедах московского и пензенского велозаводов) со-стоит из деталей, изображенных на рисунке в том порядке, как они расположены в со-бранной втулке.

По краям корпуса (черт. 1) посыпаны фланцы с отверстиями для спиц. Внутри корпуса ввернуты чашки — левая гладкая и правая с кулачками по внутреннему борту.

Чтобы разобрать втулку, на-до снять колесо. Затем снять установочное и упорное кольца, фрикционную пластинку и от-вернуть регулировочный конус. После этого легко вынуть сцеп-ной и тормозной конусы и ве-дущий винт с зубчаткой. Не следует вывинчивать из кор-пуса чашки и без особой надоб-ности отвертывать контргайку зубчатки и зубчатку с ведущего-вина.

В том случае, когда их при-дется снимать, надо учить-вать, что на контргайке резьба левая, а на зубчатке — правая.

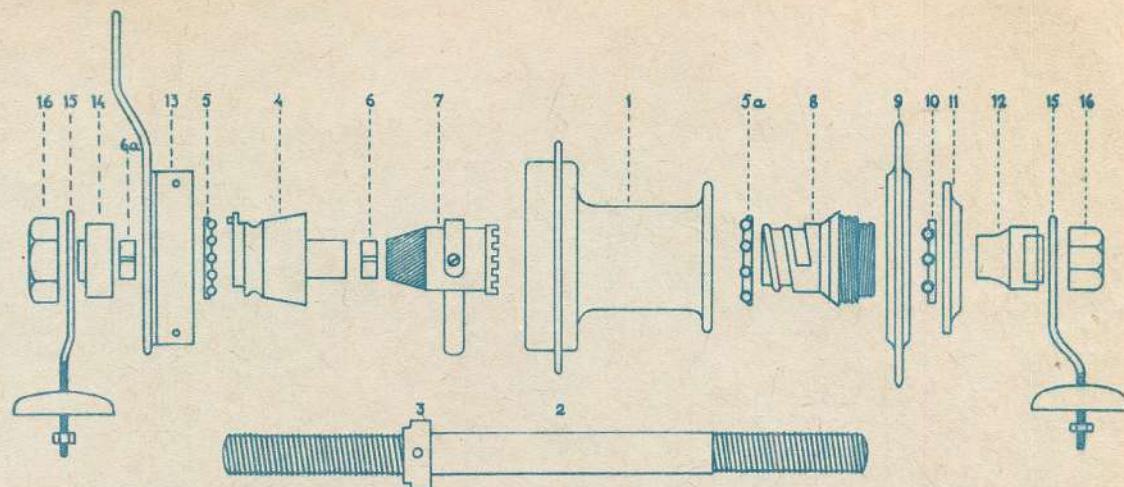
На оси (черт. 2) с помо-щью штифта укреплена установочная гайка (черт. 3), которая не дает возможности тормоз-ному конусу смещаться влево. Надев на ось тормозной кону-

(черт. 4) с обоймой на 9 шариков (черт. 5), передвигают к нему установочное кольцо (черт. 6).

Проверив, правильно ли установлена пружинка на сцепном конусе (черт. 7), нужно вложить конус в корпус втулки. Затем слева пропустить через сцепной конус ось с тормозным конусом, а справа — ведущий винт (черт. 8) с обоймой на 9 шариков (черт. 5а) и зубчаткой, в которую вложена обойма на 7 шариков (черт. 10) и навинчена контргайка (черт. 11); после этого навинтить регулировочный конус (черт. 12).

В фрикционную пластину (черт. 13) надо вложить тормозной рычаг и вставить ее в корпус втулки так, чтобы круглый выступ тормозного конуса вошел в отверстие тормозного рычага. Затем поставить установочное (черт. 6а) и упорное (черт. 14) кольца. Надев на ось регуляторы цепи (черт. 15), колеса устанавливают на место и закрепляют гайками (черт. 16). После установки колеса нужно при помощи хомутика прискрепить к перу вилки рычаг фрикционной пластины. Шариковые обоймы перед установкой следует хорошо смазать вазелином. В случае, если шарики приходится ставить без обойм, необходимо те места, где они будут уложены, густо смазать тавотом, чтобы при сборке шарики не рассыпались; шариков будет на 2 шт. больше, чем в обойме.

При вращении педалей цепь вращает вправо зубчатку и ве-

дущий винт. При этом сцепной конус навинчивается на ведущий винт, соединяется с кулачками правой чашки и передает движение колесу.

При прекращении работы педалей зубчатка перестает двигаться, а сцепной конус отходит влево; сцепление с втулкой нарушается, чем и осуществляется так называемый свободный ход.

При нажиме педали назад ведущий винт, вращаясь влево, сдвигает влево сцепной конус, вводя его насеченный конец в тормозной конус, и поворачивает последний тоже влево. Выступ тормозного конуса, который входит в отверстие тормозного рычага, поворачивает его, а рычаг, нажимая на тормозную ленту, установленную

на фрикционную пластину, раздвигает и тесно прижимает ее к стенам корпуса втулки, — этим и осуществляется торможение.

Пружинка, установленная на сцепном конусе, помогает ему быстро выходить из тормозного и ведущего положения.

Сцепление конуса с чашкой может быть нарушено, если кулачки сильно забиты густой смазкой или грязью, а также от поломки пружинки.

Торможение нарушается совсем или бывает очень слабым опять-таки вследствие поломки пружинки, от загрязнения насеченного конца сцепного конуса, от того, что сильно стерлась насечка или тормозная лента.

Пружинка сломается, если

она будет установлена не так, как изображено на рисунке.

Удалить грязь и излишнюю смазку можно не разбирая втулки. Для этого нужно в несколько приемов напустить во втулку через масленку керосину или еще лучше бензин и вращать колесо. При вращении колеса грязь выйдет наружу вместе с бензином. При этом надо следить, чтобы бензин не попадал на покрышки.

Если нельзя сменить тормозную ленту, на нее можно положить полоску 0,2—0,3 мм латуни, загнув концы этой полоски внутрь ленты; это на продолжительное время обеспечит хорошую работу тормоза.

А. Власов

Новые книги

На Камчатке — сборник статей и очерков. Издательство Академии наук СССР. Москва—Ленинград, 1936 г., стр. 215, цена 5 руб. 50 коп., переплет 50 коп. Тираж 10 175 экз.

Камчатке, одной из самых дальних окраин нашего огромного Союза, посвящено очень мало литературы. Научно-популярные книги, в живой, увлекательной форме описывающие природу полуострова, его богатства, население, возрождение края, почти нет.

Рецензируемая книга представляет собой сборник очерков и статей участников Камчатской комплексной экспедиции Академии наук СССР 1935 г. и является ценным вкладом в научно-популярную литературу о Камчатке.

Книга открывается обращением колхозников Камчатки к товарищу Сталину; это краткое обращение прекрасно отра-

жает грандиозный рост культурного и материального благосостояния народов Камчатки за последние годы. Первая часть посвящена богатейшим природным ресурсам Камчатки.

Книга читается с большим интересом. То, что очерки написаны самими участниками экспедиции, делает ее документальной, а материал особо ценный.

Следует отметить статью начальника Центрально-камчатского геологического отряда орденоносца В. С. Кулакова, который совместно с пограничниками Камчатского пограничного отряда поднялся на вершину Ключевской сопки¹ и впервые

¹ Восхождение Кулакова считается четвертым. Первое совершил Гаусс в 1788 г., второе Семенов и Дингес в 1931 г. и третье — пограничники-комсомолцы Водопьянов и Бирюков в 1935 г. В этом же году, кроме группы Кулакова, на Ключевский вулкан поднялась группа А. Н. Троцкого (Микулин, Коптелов, Троцкий).

в истории спустился в кратер действующего вулкана для изучения процессов, происходящих в нем. Ключевский вулкан по высоте не имеет себе равных в мире. В ясную погоду он виден с моря на расстоянии 40 км.

Вторая часть книги представляет большой интерес для туристов-пешеходов и альпинистов. Здесь собрано много материалов о путешествиях в Камчатских горах.

С увлечением читается статья Ю. А. Ливеровского о камчатских лайках, их качествах и значении в камчатском хозяйстве.

Книга издана на хорошей бумаге, богато иллюстрирована прекрасными фотографиями, концовками, портретами участников экспедиции, копиями со старинных гравюр, изображающими ландшафты Камчатки. Недостатком в оформлении является не всегда согласованное с текстом расположение фотографий. Например, фотография пика «З-х ОПТЭ-истов» на странице 71 не имеет никакого отношения к тексту, да и во всей статье Ливеровского «По горизонтам четвертичной толщи» об этом пике не упоминается. Можно привести и дру-

гие примеры такой несогласованности.

Встречаются и ошибки, так, на странице 163 указано, что первоначальное на Ключевский вулкан совершил Гаусс в 1878 году, в то время как на стр. 171 — в 1788 году. О том, какая цифра верна, можно догадаться лишь по сноске, где указывается год опубликования статьи о восхождении на Ключевскую — 1809.

К книге приложена хорошо выполненная рельефная красочная карта Камчатского полуострова (составил П. А. Баринов под редакцией акад. В. Л. Комарова) в масштабе 30 км в см. Карта наглядно показывает, что наши географические познания Камчатки в последние годы сильно расширились.

Эд. Мурзаев

ДОСУГ ТУРИСТА

Ввиду запоздания выхода в свет журнала № 2 список товарищ, набравших наибольшее количество очков, а также и ответы по второй серии, будут опубликованы в № 5.

Отв. редактор Н. В. Крыленко.

Зам. редактора М. Б. Розен.

Отв. секретарь Б. Б. Котельников.

Техн. редактор Л. Ф. Спиридов.

Полномоченный Главлит № Б-11067. 4 п. л. 90 200 тип. зн. в п. л. Бум. 64^{1/2} × 93. Сдано в набор 16/III 1937 г. Подп. к печ. 10/IV 1937 г. Тираж 40 300

Рукописи не возвращаются

ЦЕНА 80 коп.

